

ЯРОСЛАВА ТАНЬКОВА

В революционном 1993-м ушла из дома с хиппи, чтобы «отстаивать идею мира». Бродила по стране, подрабатывала певицей в барах, актрисой в театрах-студиях, продавала свои картины... В 1994-м вернулась домой. В 1996-м на отлично окончила школу. В том же году пришла устраиваться на работу в «Комсомольскую правду». Заявилась в «Алый парус» (молодежный отдел «КП») со словами: «Не умею ничего, но научусь всему».

С тех пор в газете. Была стажером, корреспондентом, специальным корреспондентом, редактировала, вела номера... Но менеджмент быстро наскучил, Ярослава вернулась к репортерской деятельности. С тех пор ее репортажи неизменно остаются одними из самых рейтинговых и скандальных.

Специализируется на рубрике «Испытано на себе». Это расследования изнутри. Когда журналист внедряется в какую-то среду, живет в ней достаточно продолжительное время, а потом пишет репортаж о том, как это было. Так, чтобы поднять проблему трэфика (торговли людьми) Ярослава переходила в составе рабского каравана девушек из Молдавии и

России через Синайскую пустыню из Египта в Израиль и была продана на современном невольничьем рынке. Чтобы рассказать о проблемах бездомных людей (бомжей), которых стало так много в России, Ярослава сама прожила среди них несколько недель в подземных коллекторах, подрабатывая мытьем электричек. Для честного освещения проблем войны в Чечне более месяца отработала санитаркой в военном госпитале в Ханкале. Была монахиней в дремучем монастыре, работала аниматором в египетском отеле, была ранена, освещая проблемы Ливано-Израильской войны...

Премия имени Артема Боровика Ярослава получила за свой репортаж-расследование о жизни и проблемах простых российских рабочих, более месяца инкогнито отработав на ткацкой фабрике.

В 2003 году — премия Медиа-союза российских СМИ «Золотой гонг» в номинации «Экстрим».

В 2004 году — лауреат премии «за профессиональное мастерство» Союза журналистов России.

В 2005-м — Национальная премия печатной прессы «Искра».

В 2006-м — лауреат Всероссийского конкурса благотворительности.

* * *

Решением жюри конкурса на премию Артема Боровика **Таньковой Ярославе Владимировне** присуждается премия Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство» за лучшее журналистское расследование (печать): серия очерков «Как я была фабричной девчонкой», опубликованных в газете «Комсомольская правда».

КАК Я БЫЛА «ФАБРИЧНОЙ ДЕВЧОНКОЙ»

Так повелось, что ткачиха в народном эпосе — нечто вроде голубки в восточной поэзии — символ женской сексуальности и одновременно неудовлетворенности. Эдакий микс трогательного «Одиноким предоставляется общежитие» с озорным «Город Иванов — край донжуанов». Песен про ткачих миллион! Даже у современной компьютеризированной молодежи популярность снижали «Девочки фабричные». В результате ткацкая фабрика вызывает любопытство почти как женский монастырь. Только набит он простыми мирскими женщинами, ищущими любви. Отсюда и репутация у ткачих противоречивая — от скромниц в ситцевых платочках до секс-бомб в порно-байках про фабричные общаги.

А какие они на самом деле? Как он живет — пролетариат 21 века, из которого по статистике, наполовину состоит население России? Впрочем, я в очередной раз решила временно сменить образ жизни и профессию.

ГОРОД ЕГОРЬЕВСК — КРАЙ ДОНЖУАНОВ

Началось все с вынужденного изучения современного рынка текстильной промышленности. Поначалу думала отправлюсь в «мекку» российских ткачих — Иваново. Не тут-то было! Звоню, прошу девушку по справке соединить меня с любой из ткацких фабрик.

— Хочу к вам работать ткачихой!

— Зачем? — огорошила меня кадровичка.

— Потому что интересно, — оттарабанила я чистую правду.

— А сколько вам лет? Детей нет?

— 27. Детей нет, — соврала я на всякий случай, чтобы выглядеть повыгоднее с профессиональной точки зрения.

— Понятно. Рожать едете, — разоблачающе вздохнула тетя.

— Да нет, работать вроде... — стушевалась я.

— Ой, да знаем мы! А потом через месяц в декрет уйдете. У нас таких умных пруд пруди. Работать — не работали, а декретные получают.

Последующие полчаса я убеждала тетеньку в своей комсомольской честности. И совершенно напрасно, потому как в конце разговора выяснилось, что общежитий у них нет.

— А где же мне жить?

— Разве что комнату снимать, но зарплаты ученицы вам не хватит.

— А где же остальные ткачихи живут? К вам же вроде со всей России едут...

— Э-э-э, да когда это было! Никто давно уже не едет. Некуда. Почти все производства позакрывались. Осталась пара фабрик. Но от общежитий все отказались — слишком убыточное дело. У нас только местные и работают. Или компаниями из окрестных деревень приезжают и все вместе жилье снимают. А наши к вам, в Москву едут!

Хорошо, попробуем в Москву. Звоню в «Трехгорку»:

— Без опыта? Без техникума? Еще и место в общежитии? Да что вы, девушка! У нас таких желающих миллион! — отбрила меня кадровичка.

— В Иваново уже ничего нет, у вас уже все есть... Ну и куда же мне податься? — взмолилась я.

— В Московской области есть крупные комбинаты, куда со всей России едут. Идите туда.

Так вот где теперь современный край невест базируется! В коротеньком списке ведущих подмосковных текстильных фабрик особенно понравился «Егорьевский хлопчатобумажный комбинат», только что отпраздновавший свое 160-летие. В его характеристике значилось: «Ткани хлопчатобумажные для производства спецодежды, защитной одежды, рабочей и военной».

— Ткать камуфляжи — это круче, чем бабский ситец в цветочек! — решила я и поехала наниматься.

«МАШИНА ВРЕМЕНИ» ЗА ПРОХОДНОЙ

Сначала на метро до Выхино. Оттуда два часа на автобусе до Егорьевска. Помните песню: «Подмосковный городок, Липы желтые в рядок. Подпекает электричке Ткацкой фабрики гудок. Городок наш — ничего, Населенье таково: Незамужние ткачихи Составляют большинство». Как про Егорьевск писали. Старая двухэтажная окраина. Над дохлой речкой Гуслицей нависают краснокирпичные громады фабричного комбината.

Несколько производственных корпусов, административные здания, банно-прачечный комбинат, общежития. Здесь и прядильные, и ткацкие, и швейные цеха. Раньше на фабрике 16 тысяч рабочих было. Весь город здесь работал. Теперь только две тысячи.

— Ты с ума сошла на фабрику идти? Там такая грязь! Зарплаты мизерные. Егорьевских там почти нет — в Москву на заработки едут. Только приезжие, у кого нет выбора, — вразумляли меня местные девчонки, с которыми мы познакомились в автобусе.

— Зато романтика!

— Какая еще романтика? А жить где будешь?

— В общежитии.

— Точно сумасшедшая! Корпус для одиночек — «Казармы» — это местный публичный дом! Там солдаты «отовариваются». Настоящий притон, зэки... Не убьют, так покалечат!

С таким оптимистичным напутствием я заволокла свой чемодан на крыльцо нового места работы.

Говорят, раньше вывеску с грозным названием фабрики «ВОЖДЬ ПРОЛЕТАРИАТА» за версту было видно. Но сейчас сохранился только уменьшенный дубль на двери библиотеки. А на проходной — скучно-утилитарное «Егорьевский хлопчато-бумажный комбинат». Зато проходная настоящая, с вахтершей, огромной металлической вертушкой и грозным плакатом: «Предъявите пропуск!». Толкаешь вертушку и — как будто машину времени завел... Прямо за проходной на территорию фабрики громадная, заснеженная скульптура «Серп и молот», посреди клумбы Ленин, как положено, с рукой, вытянутой в светлое завтра... Это круче, чем плюшевый мишка из детства — у меня от припадка ностальгии аж в носу защипало. Надпись на стене метровыми буквами «ФАБКМ», а рядом доска почета и нечто типа планов на пятилетку. Даты постройки корпусов на стенах: «1910», «1935»... Первое вообще в 1845 году! Но большая часть из них — давно уже нерабочие. До боли жалко смотреть на вишневым осыпающийся кирпич, зияющие пустотой сказочно-полукруглые окна. Вся громада выглядит как огромный, яркий, но дохлый «дракон». Местные поговаривают, что скоро все это историческое великолепие сровняют с землей и построят здесь что-то типа Диснейленда. Только вряд ли. Кому нужны в такой тьмутаракани аттракционы?!

Пробираюсь сквозь развалины старой фабрики, как в киношных декорациях. Впереди мелькают панталонно-голубые панели новых корпусов. Грохот станков слышно даже на улице. И это после моего тихо урчащего компьютера. Вон у Ходорковского даже со швейной машинкой не сложилось. Как же я здесь буду работать?

ЕЖЕДНЕВНО ПО 8 ЧАСОВ В АДУ ЗА 1000 РУБЛЕЙ В МЕСЯЦ

Крашенные стены коридоров. Кабинет директора в старых деревянных панелях. Из стилия «махровый совок» выпадает только сам директор, молодежавый, в хорошем костюме и похожий на современного человека, поэтому выглядящий здесь гуманоидом.

— Из Москвы? Работать ткачихой? Потому что интересно? — Директор смотрит на меня, как верблюд на снеговика, и с надеждой переспрашивает: — Судимая? Небось в Москве в какой-нибудь общежитии прописана? Ты, наверное, не понимаешь, что такое ткацкие

станки. Елена Васильевна, у нас тут такой кадр! Вы, как старшая смены, проводите девушку на экскурсию.

С детства понятие «ткачиха» у меня ассоциировалось с иллюстрациями к «Царю Салтану». Три грации с прялками сидят под окном, и одна из них, как известно, ткачиха. В реальности же ткацкий цех выглядит очень неромантично. Самые тяжелые станки — СТБ. Это громадные, пять на три метра «зверюги». Сложные, угрожающе ревущие, за милую душу отгрызающие пальцы, но сплетающие по десять метров ткани в час. В огромном зале их сотни. Первое ощущение — волна жаркой духоты. Воздух плотный от кошмарного грохота, хлопкового пуха и сильной влажности. Сквозь матово-серые от грязи окна проникает тусклый свет. Постоянно включен электрический. Именно здесь я буду работать. Если не испугаюсь.

Старшая смены — Елена Васильевна кричит мне в ухо, где и что ткут. Мне страшно интересно, но уши до отказа наполнены грохотом и большая часть слов мастера в них просто не влезает. Наконец мы выходим.

— А почему окна такие грязные? — почему-то первое, что вырывается у меня.

— Зал более тысячи квадратных метров, всего две уборщицы, получают по паре тысяч каждая... — донеслось сквозь «вату» опухших перепонок.

— Ну как? Понравилось? — с ехидцей поинтересовался директор.

— Говорит, окна грязные, — ответила за меня старшая смены.

— Вот пусть и почистит, — хмыкнул директор.

— За такую зарплату уборщицы не чистить должны, а пачкать! — подколола я.

— А ты думаешь, больше будешь получать? Зарплата ученицы ткача 1000 рублей. Ученический период — полгода. Когда дадут свои станки, будешь еще за метры премии получать. А пока, кроме койки в общежитии, ничем помочь не можем. Ну что, согласна?

К вящему ужасу директора и старшей смены, я согласилась. Мой контракт подписали:

А. Отдел кадров. Они выдали пропуск и сообщили, что отныне я числюсь на «1-й ткацкой фабрике», во 2-м ткацком цехе в должности «ученик ткача». Рабочий день — 8 часов.

Б. Отдел «табельная», где сообщили, что зарплату будут класть на сберкнижку.

В. Отдел охраны труда, где мне провели самый короткий в жизни курс по технике безопасности. Оторвавшись от чаепития, тетя предупредила, что рабочие тапки должны быть с задниками, чтобы не споткнуться и не разбить голову о каменный пол; что длинные волосы должны быть под косынкой, чтобы за косу не затянуло в

станок; и что совать пальцы в работающий механизм не надо, потому что их оторвет. «Станки очень опасны», — зевнула она и поставила свою закорючку.

Г. Директор по быту подписал: «Прошу выделить койко-место в общежитии». В том самом «гнезде порока», о котором с ужасом говорили местные девчонки. А других и нет. Приличные «семейные» общаги как раз недавно продали или сдали в аренду немцам, основавшим неподалеку фабрику гигиенических изделий из ваты. Рабочим же ткацкого комбината предложили выкупать комнаты, или переселяться в разваливающиеся «Казармы».

«КАЗАРМЫ»

Корпусов общежитий много. И у каждого есть парадное имя, призванное вселять в рабочие души надежду на светлое будущее: «Меланжист» (меланж — разноцветная пряжа), «Дружба», «Юность»... У «Юности» еще есть прозвище — «Шанхай», в память о тысяче вьетнамцев, которые работали на фабрике и жили в этой общаге в 90-е годы. «А потом, наверное, в городе кончился рис...» — пожимают плечами местные. Более вразумительно объяснить исчезновение азиатско-егорьевской цивилизации никто не смог.

И лишь у одного корпуса нет имени, только мрачное прозвище — «Казармы». Трехэтажная общага для рабочих-одиночек стоит на берегу речки Гуслицы или Гусянки. Кстати, в народе ее прозвали Тухлянкой, потому как канализацию в этот несчастный ручеек сливает и комбинат, и весь город. От дороги к единственному подъезду ведет тропинка. Забора нет, но стоят одинокие, как будто случайно забежавшие сюда ворота с намалеванной надписью «Штат Казармы». У подъезда громадная, густо дымящаяся вонью проталина — вечный памятник канализационным трубам, геройски павшим в бою с вековой ржавчиной. Красно-кирпичные стены той же величественной архитектуры, как и вся старая фабрика.

Соседнее здание — местный психдиспансер. Злые языки называют общагу его филиалом. А бабушки на полном серьезе рассуждают: «Очень удобное соседство! Как мужики до чертей зеленых напьются, так и везти их недалеко». Прямо перед моим появлением одного такого увезли — летающая тарелка у него за окном стояла. Неудивительно, глушат-то технический спирт. Через дорогу на рынке литр — 20 рублей. Мужиков и так единицы, а старше 50 вовсе нет — вымирают гораздо раньше. Но самое страшное, что его пьют дети, потому что дешево. Много глохнувших, слепнувших и просто теряющих разум.

Холл. Комната вахтерши. На столе два телефона: внутренний для связи с фабрикой и городской, чтобы милицию вызывать. На стене стенд для ключей. Но почти все гвоздики пусты — ключи

предпочитают носить с собой. У стены кровать, по-деревенски накрытая кружевом подушка, на батарее валенки. На стене в холле правила проживания в общежитии: не ломать унитазы, не мусорить, не шуметь после 11... Под стендом на стульях штаб «сарафанного радио» из нескольких местных бабушек. Слышу их шепот за спиной:

— Прилично одета-то... Из Москвы, говорят, приехала.
— Все они из Москвы «приличные» и продащицы! А на деле вдоль Ленинградки стоят.

«НА 28 КОМНАТОК ВСЕГО ОДНА УБОРНАЯ»

Комендант смотрит на меня с сочувствием:

— Тяжело тебе здесь придется. Ну ничего... Самый буйный этаж у нас третий, там сплошная алкашня. На втором старушки. А я тебя на первом поселю. Здесь молодежи много. Они шумные, но не спившиеся пока. И девочки неплохие есть.

Длинный, темный коридор без окон, с дверьми, покрашенными в мрачный коричневый цвет. На 20 комнат один туалет. Кухня общая, но достаточно чистая. Три газовых плиты, два стола и две раковины. Душ один на всю общагу, на все 200 комнат. Впрочем, он не работает уже несколько месяцев. Говорили, что его ремонтируют, приходили рабочие. Поставили металлическую дверь и повесили замок. И что теперь за этой дверью, никто не знает. Наверное, трупы тех, кого загрызли вши. В результате отсутствия душа они теперь еще более живо разводятся на местных алкашах. Фауна в общаге богатая! Вши и тараканы само собой, а еще захаживают мыши, крысы, в туалете же всегда летают мухи и поют сверчки — лето круглый год!

Еще есть прачечная комната с ванной, покрытой сантиметровым слоем дохлых бактерий. Трубы для слива в канализацию у ванной нет. Вместо нее — посреди комнаты дырка в полу, куда с помощью ловких поворотов доски надо направлять вытекающую на пол воду — «Форт Байярд» нервно курит в сторонке.

А еще здесь есть железный стол, на котором стоят тазики с замоченным бельем и периодически занимаются сексом подростки. Но самое главное — это единственное место, где хотя бы иногда бывает горячая вода! И хотя двери здесь не закрываются, поставив в ванную свой тазик и сев в него, можно кое-как помыться. Поэтому, несмотря на сталактиты грибка на стенах, это священное место.

И под конец мне объявляют, что за «сервис» я буду платить 400 рублей в месяц — почти половину моей зарплаты. Коммунизм в виде бесплатного проживания для рабочих отошел в прошлое.

МОЯ СОСЕДКА — БЫВШАЯ САНИТАРКА В ЧЕЧНЕ

Моя комната № 28 — тусклый «гробик» три на четыре метра. Соседок по комнате две: спокойная 28-летняя Валя с выкрашенными в соломенный цвет волосами и серый тощий котенок Дунька. Дуня предприимчивая, как истинное дите общаги, за неимением мячика весело гоняет по комнате свою засохшую какашку.

— Ты не против кошки? — с опаской спрашивает Валя, потому как по правилам животные в общежитии запрещены.

— Да что ты! Она такая очаровательная!

— Раньше другая была — рыжая, еще красивее. Такая игрушечная! Я, когда со смены приходила, в шкаф ее запираю, потому что иначе она спать не давала. Но она сдохла, — травленых тараканов объелась.

На окне не знавшие порошка занавески. Грязно-персиковые стены украшены яркими крышками от конфетных коробок и постерами с изображениями молодежных кумиров — какие-то парни с голыми торсами и волосатыми подмышками.

Мне выдали на удивление чистое постельное белье. Правда, один комплект на все время проживания, естественно, с отдачей и стирать — самостоятельно. Мало того, у нас самая «крутая» комната на этаже, потому что есть мало того что телевизор, но еще и DVD-плеер с функцией караоке.

— Ничего себе живем! — присвистываю я.

— В кредит взяла, — вздыхает Валька. — С одной стороны, веселее стало, с другой — теперь жрать нечего. А выплачивать еще до-олго! С моей-то зарплатой в четыре тысячи.

— У меня пока вообще тысяча, но обещали, что будет расти в зависимости от выработки.

— Ага, верь... Плата за общежитие вырастет быстрее. Причем имей в виду, за законные выходные тебе не платят. Например, новогодние каникулы нам из зарплаты вычли. А вот за общежитие ты платишь вне зависимости от того, жила ты здесь или уезжала домой.

Валя приехала из Воронежской области по совету знакомой, которая здесь уже к тому времени работала. Моя соседка считается из «благополучных». Работает в отделе готовой продукции — ведет учет, сколько наткали, сколько направили... Мало того что место непьющее, так ее еще и повысили до бригадира. Вообще по профессии Валя кондитер, но работу эту терпеть не может. А еще она работала в Чечне, в Аргунском ущелье при дивизии состояла поваром и санинструктором. Вспоминает войну как самое лучшее время в своей жизни. Уехала из ущелья вместе с дивизией, когда выводили войска, и с тех пор жалеет, что невозможно вернуться. Вспоминает:

— Мы когда с подружкой в Грозный только ехали, женщина в поезде предупредила, что после войны обычная жизнь и обычные парни будут казаться нам скучными. Она была права.

ПРО КРЫС В КРОВАТИ И «СЕКС» С МОРКОВКОЙ

Ночью я не выспалась. Батарея безостановочно хрюкает, рыгает, стучит и свистит — старинное отопление. Очень жарко, дышать нечем.

— Лучше уж пусть так, — машет рукой Валя. — Когда холодно, крысы в кровать греться лезут. Прихожу как-то со смены, откидываю одеяло, а там эта тварь лежит.

В полу, между деревянными досками громадные щели в несколько пальцев толщиной. Когда в подвале орут коты, кажется, что под кроватью.

Утро первого рабочего дня. Просыпаюсь под истошный свист выходящих в стратосферу чайников (кошмарное изобретение — пока их хозяйки добегут до кухни...) Тех, у кого нет свистка, оповещают протяжным: «На-адя-а! Ча-ай-ни-ик!» Посуду друг друга соседи знают «в лицо». Сквозь свист слышен лай собаки и вопли коменданта:

— Скоро медведей понаведут! Ну, Любка, зараза! Заперла пса, и на смену ушкандыбала. Выселю к чертовой бабушке!

В эту неделю я работаю во вторую смену. На фабрику к двум. С полотенцем через плечо иду умываться в туалет. На двери мальчишек, вернувшихся с ночной смены, висит записка: «Сплю трупом. Не будить!» Кто-то уже пририсовал лишнюю «с»: «Сплю С трупом».

— Не ходи туда, сюда ходи, — заворачивает меня одна из курящих на кухне соседок. — Умывайся на кухне, здесь чисто, а в те раковины мужики ссут, блюют и моют там свои причиндалы.

На кухню заглядывает одна из теток и вводит всех в ступор:

— Девчонки, дайте морковину покрупнее, на полчасака...

— Что, заело одиночество?!

Девчонки дружно ржут.

— Тьфу, идиотки! Для супа, я Сашку за морковью послала, через полчаса придет — отдам.

Пока плещусь в холодной воде, тетки выпрашивают, в какой цех я устроилась, откуда приехала... И подытоживают: «Молодая, красивая. Быстро убежишь. Здесь такие не задерживаются».

А через полчаса по коридору разносится: «Новенькая-а! Яся! Чайник!» С этого момента я чувствую себя своей.

МЕНЯ ЗОВУТ РАБОЧИЙ КЛАСС

Выхожу на улицу с рабочими нашей общаги. Вливаюсь в общую волну второй смены. Можно закрыть глаза и идти по запаху — мужиков единицы, но шлейф перегара не забывает даже морозец. Народу немало. Однако то, что было раньше, представить можно

только по приметам. Например, двери на проходных. Их везде по две громадных створки. Одна на вход, другая — на выход. Сейчас это лишнее. Но раньше встречные многотысячные потоки меняющихся смен иначе просто не разошлись бы. Забавно, что створки, в которые надо входить, помечены листами железа. Это как лампочка для собак Павлова. Даже если ты с большого бодуна и ничегошеньки не соображаешь, — видишь металлический квадрат, давишь и идешь дальше. В конце лабиринта ждет станок.

Вслед за всеми кручу вертушку проходной, гордо взмахиваю пропуском. В голубое небо дымят фабричные трубы, дорога усеяна металлическими деталями. Для полного соответствия эпосу не хватает только заводского гудка. Увы, его отменили.

Смены меняются три раза в сутки: утренняя с 6 до 14 часов, вечерняя с 14 до 22 и ночная с 22 до 6 утра. Есть еще параллельная смена офисных служащих: секретари, бухгалтерия, начальство — с 9 до 17.

Женская раздевалка — большущий зал, заставленный рядами шкафов. С порога в нос шибает волна острого запаха пота.

— Выбери любое отделение и вешай замок, — командует вахтерша.

Почти везде — однотипные замки с рынка, которые можно открыть одним ключом.

— А часто воруют?

— Было как-то, одна по карманам лазала и колготки капроновые таскала. Но ее быстро поймали. От людей не спрячешься. Да и было бы что воровать-то!

Шкаф — одно название. Двери на соплях, внутри чудом выжившая полка. Зато бывшие хозяева понавбивали кучу гвоздиков. На них все и развешиваю. Переодеваюсь. Форма одежды — как можно легче, в цехе жара.

Раз в полгода полагается выдача казенной формы (живет же она не больше двух месяцев). Но большинство ткачих берут только обувь, а одежду носят свою, так как казенные халаты линяют, стоят колом, а главное — очень жаркие. Так сделала и я. Косынки мало кто носит, но мне пришлось — волосы слишком длинные.

— Читай внимательно и спрашивай, если что, — старший мастер Леонидыч вручает мне журнал по технике безопасности с закладками на главах, которые касаются меня.

Большая часть информации из серии: «Не сушите кошку в микроволновке». Одна глава о пожарной безопасности, типа «не курить». Вторая — о первой медицинской помощи, даже при ошпаривании кипятком.

— Простите, а где в ткацком станке кипяток? — не выдерживаю я.

— Ну мало ли... Вдруг ты чай себе подогреешь и на ногу выльешь.

И в каждой строчке: «Никакой инициативы! Все только по команде мастера». Хоть вообще к станку не подходи.

— Да ты не волнуйся, — подбадривает Леонидыч. — Первые дни все равно только смотреть будешь и учиться вязать ткацкий узел. Это сложно.

Смена начинается в 14. 20. Но в два часа надо уже стоять в «сплетнической» — это надземный крытый переход от административного здания к цехам. К началу смены его заполняет пестрая толпа ткачих. Они становятся вдоль окон и болтают. Здесь можно услышать все последние слухи.

«РАЗОРЕНИЕ» В РУКАХ БИЗНЕСМЕНА — ПОЛЕЗНАЯ ШТУКА

В «сплетнической» меня окидывают придирчивым взглядом. Кто-то спрашивает, где купила халатик, шупают ткань. Но в основном бабам не до меня — идут жаркие дебаты на тему массовых сокращений в прядильной. Оттуда разом уволили несколько сотен человек.

— А ткачих-то сокращать не будут?

— Наоборот, людей на ткацкой не хватает! Из той же прядильной переманивают. Только не идут. Станки у нас тяжелее.

— А чего это их всех вышвыривают-то? — пытаюсь я понять ситуацию.

— Так мы ж разорились, — смеется одна из ткачих.

— Как разорились?

— Дело темное. Еще в том году началось: руководство комбината взяло кредит, закупили новое прядильное оборудование — немецкий «Ритер», и тут же объявили себя банкротом. А вместо «разорившегося» комбината открыли «новую фабрику». То есть фабрика та же, руководство то же, даже рабочие те же, только название другое. Мы все писали по два заявления: об увольнении с ОАО «Егорьевский хлопчато-бумажный комбинат» и тут же об устройстве на ООО «Егорьевский текстиль». Правда, до 1 апреля, говорят, мы все еще числимся за «разорившимся» комбинатом. Чего-то они там мудрят, и никто им не мешает, ведь главный акционер и директор фабрики — одно лицо. Но главное, под статью о «ликвидации предприятия», говорят, приказано уволить три сотни лишних людей с прядильной: на новом оборудовании работы работают. Теперь там ручной работы и нет почти. Нужна пара десятков операторов, и все. На следующей неделе цеха с новым оборудованием открывают — будет совсем другая пряжа. А всякие прядильщицы-чесальщицы дорабатывают то, что осталось из старого сырья, и — чао-какао!

Я видела потом некоторых из тех людей. У кабинета директора сидела заплаканная женщина, которой осталось до пенсии и льгот-

ного стажа два года. Она теребила в руках ниточку и все повторяла: «Меня просто выкинули, как мусор. 30 лет я каждый день приходила на эту фабрику, одевала халат, и шла к станку. А сегодня оделась, зашла в цех, а мои станки отключены. Я — мусор, 30 лет...» Еще, говорят, какая-то беременная на последних месяцах билась в истерике прямо в отделе кадров. И, несмотря на законы, их всех смогли вышвырнуть. Потому, что у них нет адвокатов, некому их защитить. Я еще не видела новое оборудование, но уже ненавижу его.

Из цехов начинает сочиться первая смена. Потные, все в хлопковом пуху, женщины радостно бегут в раздевалку. Степенно шествуют мужики (наладчики, транспортировщики). Одновременно рассасывается и наша компания — все расходится по цехам.

Тяжеленные двери разрубают действительность на две части. Только что я слышала свои шаги, шуршание халата, голоса. Мир состоял из тысяч звуков. Но за спиной захлопнулась дверь и вокруг только грохот, больше ничего.

9000 РУБЛЕЙ — СУПЕРЗАРПЛАТА

Меня приставили к Татьяне — бойкой обаятельной женщине из Белоруссии, ткачихе с 20-летним стажем. Начинала работать она еще на родине. Потом вышла замуж за россиянина, переехала к нему в Егорьевск и с тех пор на комбинате. Не сказать чтобы Таня была счастлива моему появлению, ведь за учеников не платят, а время на них тратить надо.

— Да еще попадетса бестолочь! — как объясняла позже мой мастер. — Нитки путает... Помощи никакой, а брака полно. А за брак меня штрафуют.

У каждой ткачихи по 13 станков. Все они должны бесперебойно работать, но постоянно останавливаются по разным причинам. Наша задача эту причину найти, устранить и станок снова запустить. Это сложно. В каждый станок заправлено 3—4 тысячи нитей, все они протянуты через десятки тысяч миллиметровых «ушек», дырочек, шелочек. Если нитка рвется или ослабевает, станок останавливается. Так вот, в считанные секунды надо ее найти, надвязать и заново продеть во все положенные «ушки». Причем у каждой нити свои «ушки», и путать их нельзя, иначе на ткани будет брак или станок не пойдет.

А ведь иногда нитки рвутся по несколько разом. Да еще и путаются. И нужно время, чтобы привести их в порядок. А станки останавливаются один за другим. И нужно очень быстро бегать, потому что для выполнения плана каждая машина в час должна давать 10 метров ткани. Если план не выполняется, то рабочая получает только зарплату. Даже у самых опытных ткачих она в районе пяти-шести тысяч, а у молодых две-три тысячи. А премию

дают только за превышение плана. И за этот адский труд девять тысяч в месяц считаются заоблачной суммой.

Для начала Таня посадила меня вязать узлы. Выдернула пучок запасных ниток и пару раз показала, как ловким движением пальцев их скреплять в крепкий узелок. Следующие полчаса я а-ля юнга мучила несчастную пряжу. Некоторые девчонки говорили, что убили на тренировки по нескольку дней. Но выяснилось, что у меня талант: узел стал получаться быстро. Потом я ходила хвостом за Таней и смотрела, что она делает. Мастер все показывала, но сделать что-то самостоятельно не предлагала.

И все-таки через час я завела в станок свою первую нитку. Без спроса, голыми руками, без помощи ткацкого крючка (длинная изогнутая плоская спица, загнутая на конце). Это была запрещенная техникой безопасности инициатива. Но мне очень хотелось именно самой. И вот громадный железный «зверь» под моей рукой хрюкнул и пошел! Я ликовала! С этой минуты все, что можно было делать без помощи крючка, я делала. Таня, видя, что у меня получается, не возражала. А потом оказалось, что за мной следила еще одна пара глаз. Как медаль за сообразительность Леонидыч вручил мне крючок! Очень удобный, кованный. Такие — большая редкость. Старший мастер явно был доволен мной. Ведь в первый день крючок обычно не дают.

Но самый большой сюрприз меня ждал в общаге — слухи о том, что я вру. «Женщины говорят, бойко ты узлы-то вяжешь. Видать, работала уже на фабрике, только скрываешь», — пронзила меня рентгеновским взглядом вахтерша. И в душе моей расцвели фиалки.

ТИПИЧНАЯ ТКАЧИХА ЭТО... (ОТКРОВЕНИЯ ИЗ ДУША)

В заводскую душевую после смены желательно забежать в числе первых. В предбаннике голые узкие лавки и железные крючки на кафельных стенах. Из душевой летят брызги и веселый мат (матерятся ткачихи безостановочно). Под ногами вертятся вездесущие кошки.

Если замешкаешься, придется топтаться в очереди. Душевых кабин мало и половина не работает.

Впрочем, движется очередь быстро — все торопятся домой. Среднее время, за которое простая ткачиха успевает принять душ, одеться и пулей вылететь на улицу (завидуйте, мужья столичных теток!) — 10 минут! Я лично засекала.

Секрет — в естественности. Не принято здесь «готовиться к выходу». Причина же в поголовном одиночестве, особенностях профессии и экономии. Привычка быть «такой, как есть» укоренилась в поколениях. Большинство ткачих:

1. Редко бреют ноги и подмышки, потому что мужиков все равно нет. А даже если и есть, то по простоте своей бритость они заметят, только когда щетина начнет отрастать и колоться. Как сказала одна пожилая ткачиха: «А на фига их брить? Так теплее!»

2. Пахнут. По всем вышеперечисленным причинам здесь не в моде дезодоранты. Ими пользуются вместо духов. Рассуждают: «А на работе все равно вспотеешь. Только зря переводить хорошую вещь».

3. Не красятся. В цеху грим только мешает. На него налипают лишние пух, он пачкает руки, а потом и пряжу. Я краситься пыталась. Продержалась два дня. На третий — плюнула, и количество пуха, забивающего глаза, резко уменьшилось. В общаге краситься тоже бессмысленно: все свои — бабы. Да и не умеют они мазаться. Большинство про косметику вспоминают только в праздники. Достают единственную помаду, которую «бывший» преподнес 10 лет назад на 8 Марта, и мажут рот. Не столько для красоты, сколько для обозначения праздника. Красные губы — как красные цифры в календаре.

4. Не делают причесок и вообще стараются стричься. С короткими волосами удобнее работать — не надо носить косынку, меньше потеет голова. А длинные... Какой в них смысл, если они постоянно убраны в пучок?

5. Не худеют. Это первый женский коллектив, в котором я ни разу не услышала разговоров о диете. Клянусь! Да и какое худение, если силы выжимает тяжелая физическая работа. А столовка работает только в первую смену. И обедать принято прямо в цеху вредными калорийными бутербродами с чаем из-под кипятильника. Результат — женские фигуры со всеми положенными мягкими выпуклостями в противовес столичным барышням с единственной выпуклостью — позвоночником.

И вот я стою в этой розовой колышущейся массе в предбаннике и слушаю о ценах на детские колготки. Наконец подходит моя очередь. Душевая — темное помещение, покрытое тухлой многослойной плесенью — стены черные и скользкие. Рассеиватели порастажили и вместо них, чтобы струя не пробивала дырку в голове, на краны понакрутили тряпок.

Но после смены, когда гудят ноги, разламывается голова и липнет кожа, горячая вода — огромное счастье. Это сложно объяснить. Как у Солженицына, когда ээки в лагерях принимают душ. Раньше я его не понимала. И вот я стою в черном заплесневелом сарае, под стекающими с ветоши струями воды, на физиономии — блаженство. Это круче секса! В голове мысль: а ведь дома, в Москве, у меня был душ, но я и не догадывалась, какая же я богатая.

КУХОННЫЕ БАТАЛИИ

Каждое утро на кухне разыгрываются драмы, затмевающие радиоспектакли по Булгакову и Зощенко.

Прощеное воскресенье начинается с визга: «Не прощу! Не прощу!»

Я выползаю почистить зубы и тут же получаю свою порцию:

— А ты бесстыжая, такая же, как все они! А я-то думала, приличная девушка...

— Я вас тоже люблю. А что случилось?

Как выяснилось, тетушки пият молодежь за устроенный нами ночной турнир по выпечке блинов. Мол, шумели — спать мешали.

— Алкаши!

— Так мы же блины жарили, а не водку пили!

— У вас бутылка на столе стояла!

— Так это масло!

— Врете!

Мальчишки напомнили, что сегодня праздник, в который всех положено прощать. Визг, под который я проснулась, был ответом.

— Намусорили, окурки накидали, хоть бы кто убрал!

— Да ты в своей комнате сначала окурки собери и тогда вякай!

— Завтра же пойду к директору, и вас всех вышвырнут отсюда в два счета!

Главные скандалистки — набожная тетя Таня и «маленькая Вера». (Вера маленького роста, отсюда и прозвище). Начинает всегда тетя Таня, а Вера вторит из-за спины наперсницы. По большому счету если бы они не скандалили, не напоминали дежурным по уборке общих помещений об обязанностях, то кухня была бы не чище туалета. Утренние скандалы самые яркие, в них всегда много участников. Причем часто девчонки выходят на бой ради развлечения, со словами: «Ну ладно, пойду тоже разомнусь».

В другой день мне не дают доспать душераздирающие вопли Любаши под дверью:

— Почему всем надо залезть в мою постель?! Вахтершам, видите ли, мои трусы не нравятся!

Со стоном поднимаюсь. Доброе утро, страна!

— Люба, чего ты орешь?

— Мы с Васей только собрались ребеночка сделать, а мне бабу какую-то подселить хотят, — бьется в истерике Люба.

— Имей в виду, — чеканит в ее сторону комендант, — чтобы кошек убрала, комнату вымыла и сделала все, чтобы новенькой понравилось! А то устроила траходром, никто к тебе селиться не хочет. Выгоню!

— Точно-точно, — вторят из холла бабульки, — таскает мужиков, а у самой комната загажена, трусы не стираны... Давно надо ей кого-то подселить, чтобы Васька шляться перестал.

В комнате у Любы действительно беспорядок, а ее кот описал всю общагу и, гуляя, потырил у нас из вывешенного за окно пакета кучу сосисок. Но Любу мне все же жалко. Ее вина только в том, что она завела мужчину и даже не скрывает этого, а такие вещи прощаются только женщинам с детьми. Для репутации молодых девушек неприкрытые шуры-муры — смерть. Вася действительно спорное приобретение — бывший зэк с Украины, таскающий на шее «для понту» солдатский военный медальон, подрабатывающий на соседней стройке и живущий на квартире у какой-то местной бабы с ребенком за плату, так сказать, мужской натурой. Он часто приходит в общагу, врубает нечто «жалистивое» про «конвойных на вышках, а в сердце весна» и рассказывает этой глупой доверчивой девочке, что любит ее и когда-нибудь они будут жить вместе. Как-то этот идиот ту свою бабу даже в общагу приволок. И изумленные соседи наблюдали картину, достойную кисти передвижников: баба с Любашей рыдают друг у друга на плече на тему «кого он больше любит», а Вася лежит на кровати и балдеет от собственной «популярности».

ОТКУДА БЕРЕТСЯ РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ

Постепенно знакомлюсь с народом. Со всего СНГ! Рязань, Иваново, Воронеж, Ростов Великий, бесконечное множество подмосковных деревень, Мордовия, Казахстан, Белоруссия... Кто-то один приезжает, а потом за собой все село перетаскивает. Работы-то нигде нет. Вот и мигрируют рабочие руки по России.

В общаге создаются земляческие кланы. Только, как говорят девчонки, это скорее мешает. Потому как помощи от «соплеменников» мало. А вот сплетен! Каждый, кто едет в отпуск домой, считает своим долгом «вывести на чистую воду» работающих с ним на чужбине соседей: кто с кем загулял, кто как напился... Естественно, бывает, преувеличивают. И порой, приезжая погостить домой, девчонки узнают, что, например, давно беременны.

— Приезжаю как-то к родителям, а вслед за мной мои соседи, — рассказывает Люба. — Встретили отца моего на улице и говорят: «Твоя-то, когда уезжали, пьяная там у остановки валялась». Видимо, не знали, что я уже дома.

Большинству ткачих — за сорок лет, они еще той, советской закваски. Парней и девушек до 30 лет крайне мало. И нет никого, кто хотел бы работать именно на ткацкой фабрике. Все — по обстоятельствам, временно.

Люба — простоватая, деревенская 26-летняя девушка с потрясающими природными локонами. Раньше была певчей в монастыре, про что очень любит рассказывать всякие поучительные истории: «...А еще была у нас 19-летняя монахиня Пелагея. Ее так все уважали — она свою собаку на строгом посту держала. Собака

сильная оказалась — выжила...» Работая на фабрике Любины односельчане говорят, что из монастыря ее выгнали «за гулянку». Приехала на фабрику по совету работающих здесь соседей, «потому что больше некуда».

Аня — 19 лет, из Мордовии. Сюда ее в 17 лет привезла родная тетка, чтобы знала, «почем копеечка». Аня заочно учится в Саранском педагогическом и потому считает себя выше местных обитателей, особенно девчонок. Читать не любит, но на столе в общаге у нее лежит Есенин как дань культуре. Гордо говорит: «Я здесь временно. В школе буду работать».

Люська — 22 года, из села под Егорьевском, отучилась в училище на бухгалтера, а работает пока здесь. Очень добрая и нетребовательная, но даже она говорит: «Здесь — временно, пока не найду в городе работу по специальности».

Пашу, 18 лет, привезла тетка, чтоб до армии не болтался.

Саня, 21 год, сбежал от молодой жены с годовалым ребенком. Говорит: «Достала своими послеродовыми истериками. Приехал отдохнуть». «Отдыхает» транспортировщиком, или попросту грузчиком. А вообще он из семьи художника, мастер по работе с деревом и конечно же собирается вернуться домой.

Кстати, родители, работающие на фабрике, очень редко желают такой же судьбы своему ребенку. Помню, узнала, что у моего мастера Тани дочка работает в браковочном.

— А чего ты ее в ткачихи не отдала, раз у самой такой стаж? — спрашиваю.

— Вот именно поэтому и не отдала — усмехается Таня. — Она у меня слабенькая, нечего ей здесь делать. Я вот денег поднакоплю и найду способ устроить ее на нормальную работу.

Многие ткачихи сами живут впроголодь — все деньги отсылают дочкам на учебу в каком-нибудь училище, чтобы куда угодно, только не на фабрику.

При мне в цех и в общагу приводили несколько молоденьких девочек, но все они сбежали, увидев условия работы и проживания.

Даже неясно, за счет кого будет жить отечественный текстиль лет через десять, когда большинство этих «сороковушек», воспитанных в советской рабочей культуре, на пенсию выйдут?

КАК НАС «ПРОДАЛИ» ДЕПУТАТУ

— Товарищ, пройдите в Красный уголок на встречу с депутатом! — заворачивает меня по дороге на смену тетя в костюме.

— А работать? — От обращения «товарищ» я примерзаю к полу.

— Ничего-ничего. Идите.

Как выясняется, приехал некто Валявков — один из претендентов на пост главы Егорьевского района. Грядут выборы, и хотя претендентов несколько, стены фабрики украшают только его портреты.

Захожу в зал, где сидят несколько десятков пойманных рабочих — в основном сгоняют уже отработавшую первую смену. Все сидят не ближе пятого ряда. Я затираюсь в компанию румяных, безостановочно хихикающих «сороковушек». Рядом — две старушки-уборщицы и одна секретарша, в белой блузке, с зубами, испачканными розовой губной помадой.

Тетки обсуждают, как бы удрать:

— Блин, надо было попозже уходить, проскочили бы. Когда теперь домой попадем!

— Может, сбежим?

— Ты че? Гавриловна башку оторвет. Сиди — наслаждайся.

Мужики более степенно обсуждают, поставит ли депутат выпить:

— Жрать охота. Может, фуршет будет? У них там наверху положе-но вроде... Или мы не люди, нас можно и за так слушать заставить?

И снова тетки:

— Сказали записочки с вопросами писать.

— Давай плакат напишем «Денег!»

Через две минуты заходит Валявков в сопровождении всего фабричного начальства. В нескольких местах зала раздаются неуверенные хлопки.

— Что-то похудел он, — комментируют мои соседки. — Нос увеличился.

— Выборы скоро, страдает...

Политик решает быть ближе к народу и на сцену подниматься отказывается.

— Ну что же вы, товарищи, так далеко сели? Двигайтесь поближе, — заботливо щебечет наш ответственный за кадры и быт.

Но народ настроенно приклеился к стульям. Ни дать ни взять кадр из «Маугли» — «Подойдите ближе, бандерлоги!»

— Прошу любить и жаловать: к нам в гости пришел наш товарищ Валявков, так сказать, себя показать.

— Лучше бы он на нас посмотрел, — укоризненно вздыхает бабуля.

— Здравствуйте, товарищи ткачи! — начинает Валявков.

— А че только ткачи? Браковочный отдел не считается? — обиженно затанули мои хохотушки.

— Спасибо, что пришли...

— Да не за что, нас согнали!

Кандидат заговорил про экономику. Надо было видеть лица людей — вымотанных, мечтающих помыться и сожрать чего-нибудь калорийное, но честно пытающихся понять, чего хочет от них дяденька в галстук. В глазах большинства читалась мольба: «Ну мы же тебе уже похлопали. Чего тебе еще надо?»

— Я уже давно работаю в хозяйственной сфере...

— Ты лучше скажи: женат ты или нет? — всюю комментировали хохотушки.

— ...Мне 44 года...

— Оль, для тебя как раз! То-то ты глазки скосила!

В самый разгар депутатской речи одна из них заерзала и жалобно протянула:

— Я писать хочу!

— Сиди, не рыпайся.

Та поерзала еще немножко и заговорщицки зашептала:

— А я стишок придумала: «Не лает, не кусает, а поссать не пускает. Наш депутат!»

Девчонки покатались со смеху. И тут в зал вошли ткачихи. Как водится, все в пуху, с заложенными ушами. Естественно, оратора они не расслышали и еще минуту, пока их не одернули, громко орали. На лице директора по кадрам проступил зловещий румянец.

Немного сбившийся Валявков решил взять быка за рога и начал сыпать плакатными призывами:

«Детей надо ЧИСТО убрать с улицы!», «Долой нарушающих закон работодателей!», «45 — далеко не пенсия!» Это пошло лучше. Но все же очень не хватало чего-то простого и доступного, типа «Каждому рабочему Егорьевской фабрики по батону колбасы!»

Бабульки рядом со мной все это время просидели с выпученными от напряжения глазами, но, видимо, так ничего и не поняли, потому что единственное, что они выдавили в конце:

— Ну, чего... Улыбается, стеснительный такой, в галстук. Видно, хороший человек, положительный.

Речь закончилась, и слово опять взял кадровик:

— Товарищи, 13 числа — все на выборы! За кого голосовать, говорить не буду. Вы и сами поняли, что лучше за товарища Валявкова. Он человек проверенный, наш земляк... Итак, мы закончили. Может, у кого-то есть вопросы?

Объявление было встречено бурным хлопаньем стульев. Народ наперегонки ринулся к выходу. Так получилось, что я шла за мужиками. С интересом ждала, что они скажут. Первая фраза была произнесена на лестнице: «А Леха-то вчера нажрался и новую перчатку в сугробе потерял. Жалко».

ПРИКОЛЫ НАШЕГО ЭТАЖА

Выходные. Тоска смертная. Все сидят в нашей комнате, смотрят телевизор, болтаем.

Валька умоляет Рыжика перекраситься в черный цвет:

— Зачем? — округляю я глаза.

— Да его из-за этого постоянно бьют. Вчера в очередной раз, стоят двое и говорят: «А давай кому-нибудь рыло начистим? Ну, например, вон тому рыжему».

— У тебя рука легкая? — с надеждой спрашивает Анька. — Нашлепай мне свиданку, что ли?

Шлепаю Аньку по попе. Это местный популярный ритуал для привлечения мужчин.

Все зевают. Скука — страшный зверь, который сильнее нищеты грызет местный молодежь. Читать здесь не принято, книг ни у кого нет. Да те, кто вырос в общаге, и не умеют. Как объяснил мне один из парней: «Я буквы в слова складываю, но смысла не понимаю. Скучно». Еще можно в футбол на улице погонять. Но большую часть года самодельное поле занесено сугробами. Танцы в холле заканчиваются тем, что соседи вызывают милицию. Танцы на дискотеке стоят денег, которых ни у кого нет. И народ изобретает себе развлечения самостоятельно.

Выхожу на кухню ставить чайник. Из дальней комнаты на весь коридор несутся вопли сексуального происхождения. Малость обалдев, деликатно удаляюсь в комнату. Через 20 минут снова иду на кухню, — вопли продолжают. Наконец все стихает и из комнаты весело выкатываются четверо веселых полуголых парней. У меня отвисает челюсть. Долго хожу под впечатлением, не зная, что думать. Наконец слышу эти вопли вместо звонка на одном из мальчишечьих мобильных. Ага. Прикол у них такой — инсценировать и записывать такие вот «эротические» звонки.

А наши бабуся каждый вечер играют в лото на деньги. Ставка — по 5 копеек за карточку. Карточек можно набирать сколько угодно. Сначала их было мало, но бабки нарисовали дополнительные. И вот уже десять лет почти каждый вечер «режутся» по несколько часов подряд. Страсти, как в столичном казино, только суммы другие. Даже «сорвав банк», больше 10 рублей вряд ли заработаешь.

— Кто хочет Шаляпина послушать? — врываются к нам в комнату Рыжик с Игорьком.

Шутят, естественно, потому что в руках у них старая виниловая пластинка.

— На пальце будем крутить?

— Не, на карандаше.

И происходит чудо: мальчишки из бумаги сворачивают кулек, протыкают его основание проволокой, а конец проволоки приставляют к надетой на карандаш пластинке и медленно крутят ее. И Шаляпин поет.

ИНОГДА ИЗ ЭТИХ ВСТРЕЧ ЧТО-ТО ПОЛУЧАЕТСЯ...

Мне каюк! У нас культурное мероприятие — девчонки добыли ДВД с сериалом «Королек — птичка певчая» и мы его будем смотреть нон-стоп.

Кто не смотрел, — это типичная «мыльная опера» про мусульманскую сиротку-эмансипе небесной красоты, обманутую женихом и скитающуюся по свету в поисках счастья. Более десяти часов она

сначала счастливо жрет конфеты, а потом страдает и пытается сберечь свою честь. Если бы вокруг не было девчонок, я бы вывихнула челюсть зевотой. Но я смотрела на них...

На экране «сиротка» в детстве издевается над взрослыми. Но девчонки в восторге. Избалованная девица с омерзительнейшим характером — показатель благополучия, которого не было у них. Мечта!

— Пиши-пиши, бумага все стерпит! — со слезами на глазах кусает губы Любашка, когда Королек, сбегая из-под венца, строчит жениху прощальное письмо.

Кто-то из девчонок выбегает в туалет и влетает обратно с захлебывающимся:

— Они уже падали с качелей?!

— Пока нет.

— Ой, хорошо, а то я так люблю этот момент.

Рыдают все! Когда молодые целуются в первый раз, когда героиня берет приемную девочку, когда влюбленные встречаются...

Но самое интересное, что в существование таких чувств в обычной жизни почти никто здесь не верит. Мечты о любви считаются чем-то сродни вере в Деда Мороза. А взрослым девушкам пристало мечтать о просто «нормальном муже», то есть о таком, который не пьет и не бьет. Это объяснимо. Для фабричных девочек мужчины, которые могут быть друзьями, читают стихи, дарят цветы, кольца и интересно разговаривают, — только персонажи фильмов. Наравне с гуманоидами. А рядом, в семьях соседей и знакомых нет ни одного такого примера.

Как-то мне сделал предложение смешной 18-летний пацаненок — сын соседей. Ухаживания выражались в том, что он упорно подогревал мне борщ после смены, наливал чай по первому желанию и деловито пинал половики: «Вот весной Тухлянка вскроет — я — отнесу, выполошу». Но честный мальчик сразу предупредил, мол, ты только имей в виду, что это я так, «показываюсь». А когда поженимся, ты по хозяйству — сама.

Зато часто замужних счастливиц на фабрике можно безошибочно вычислить по фиолетовым следам мужниных кулаков. Редко у кого хватает смелости противостоять насилию. Хотя бывают, конечно, счастливые исключения. Помню, как на перекуре в фабричном туалете аплодировала рассказу девчонки: «Он мной балконную дверь вышиб, а я ему голову сковородой разбила. С тех пор пальцем не трогал. Вот второй раз замуж вышла, так и этот боится — соседи политинформацию провели».

А с пьянкой бороться вообще нереально. Только выгонять. Я никогда в жизни не забуду, как мы пришли в гости к недавно переехавшему из общаги мальчику Игорю. У него на самом видном месте, на стене висела парадная фотография отца в вэдэвэшной

форме. Но родителей не было. А в подъезде у двери стояла кровать с кошмарно воняющим мужиком. Мы думали — бомж какой-то, и долго мучили Игорька вопросами и шутками, пока парень не оборвал: «Ну все, закрыли тему!» Не поняли, но замолчали. И только потом я узнала, что это тот самый отец вэдэвэшник, которым Игорь так гордится. Только он спился и измучил мать настолько, что она его просто выставила из квартиры.

«ИСТОРИЯ ЛЮБВИ» ПО-ФАБРИЧНОМУ

Раньше среди одиноких ткачих было больше «разведенков» с детьми. Молодое же поколение — в основном одинокие мамы. Судьбы как под копирку — «ходил-любил-забеременела-сбежал».

Один из сюжетов типичной «истории фабричной любви» развернулся на моих глазах. Оля — 26-летняя хрупкая, трогательно пузатая полубурятка-полурусская на шестом месяце беременности. Несколько лет назад она приехала работать ткачихой из Казани. А Дима — год назад монтажником из Белоруссии. Компания монтажников сняла комнату в общежитии, и Дима начал подбивать клинья к азиатской красавице. Когда она забеременела, он рассказал, что в Белоруссии у него семья, но дети уже взрослые и он может переехать в Егорьевск, так что аборт делать не надо. Когда беременность перевалила за решающие четыре месяца, он заявил, что уйти от жены не сможет, потому что она серьезно больна. Но минимум два года еще проработает здесь, а потом будет приезжать, и Оля всегда сможет рассчитывать на его помощь.

Когда я появилась в общежитии, она называла Диму мужем. Он давно переехал из белорусского «муравейника» в чистенькую Олину комнату и уютно жил на всем готовом, подкидывая любовнице деньги на еду. А в начале марта пришло известие, что его уволил хозяин и надо возвращаться домой. Кто-то из дружков «настучал» Диминой жене про беременную любовницу. И жена уговорила начальство выгнать беспутного мужа.

«Извини, так получилось», — пожал плечами мужик и уехал, оставив беременную женщину одну с 1500 рублями в месяц, которые ей выплачивают за больничный. Но скоро, похоже, и их не будет. В отделе кадров Оле сообщили, что ее сокращают в связи с пресловутым «разорением» фабрики.

— Но вы же не имеете права, я же беременная, — попыталась спорить Оля.

— Имеем, имеем... Нам нужны рабочие, а не больничные, — отфутоболили ее.

Я от всей души надеюсь, что Диме в страшных снах будет сниться зареванная в день его отъезда Ольга; ее «перерубленное» пополам единственным штанам беременное пузо, на которое он не

удосужился даже купить специальную одежду, не то что оставить денег на жизнь. Домой Оля уехать не может, беременность очень сложная и врачи постоянно кладут ее на сохранение. Запрещают что-либо делать даже по дому. Как жить?

— Да, может, и лучше, что сбежал! — машет рукой мой мастер. — Все утрясется. У нас в общежитии все тетеньки живут в одиночку с детьми, и хорошо! Зачем этот хомут? Я как вспомню: на смене наломаешься, домой приходишь — надо приготовить-постирать, потом за ребенком в сад, со старшей уроки... До кровати — на четвереньках, спать 4 часа, а этот козел отдохнул — любовь ему подавай! Нет, баста! Есть муж на выходные — лучший вариант. Пришел, хорошо провели время, и — до свидания. Главное, слабинку не давать, а то на шею сядет. У нас одна растаяла: «Уж такой хороший!» — ключи вручила, так он, недели не прошло, запил и по уху ей съездил. Потом всей общагой выставляли — ключи не отдавал, уходить не хотел.

Таня не хорохорится. Она сама ушла от второго мужа с двумя детьми. Он остался в трехкомнатной квартире с мамой, а она снимает две комнаты в общежитии.

— Вот женю детей, выйду на пенсию, тогда, может, и замуж выйду, — вздыхает Таня. — Или лучше собачку заведу!

ПРО ЭТО...

У входа в общежитие толчется компания солдат. Их централизованно водят в фабричную баню, но некоторые сбегают и гуляют, пока все моются.

— Сестричка, подскажи, в какой комнате Жанна? — Один преграждает мне тропинку на фабрику.

— Понятия не имею.

— А давай выпьем?

— Ребят, я не пью и вообще на работу тороплюсь.

— Да мы угощаем. В какую комнату можно пойти? Да ладно, сестричка, не обижайся, ну пойми, очень надо! Времени мало! Может, позовешь кого? Мы при деньгах — заплатим. Ты же лучше знаешь, кто ходит.

— А что, кто-то уже... «Ходил»? — заинтересовываюсь я.

— Ну я же говорю — Жанну позови!

Вечером возмущенно рассказываю ребятам:

— Представляете, нашли публичный дом! Жанна какая-то...

— Так ведь так и есть, — пожимает плечами один из парней. — А Жанна с третьего. Только она уже уехала. Но другие есть. Там же ивановские живут, а среди них мно-ого таких! Они и не скрывают, некоторые сами рассказывают, что в выходные на Ярославской трассе больше, чем в цеху за месяц зарабатывали. А часто, бывает, с

предложениями подходят: «Ты мне пару сотен на мобильный скинь, а я натурой расплачусь».

— А кто постарше, как выпьют, еще и доплатить обещают, — гогочут пацаны.

— А еще любой местной малолетке стоит сказать «я тебя люблю» и подарить шоколадку, чтобы она с тобой в туалет пошла, сам так делал, — объясняет другой.

Судя по последовавшему бурному спору, где удобнее это было делать и из каких углов общаги меньше доносятся звуки, парни не врут.

Умудренные опытом тетки постоянно предостерегают местных девчонок: «Не водите егорьевских парней к себе в комнаты! Обязательно возникнет конфликт, потому что городские уверены, что девочки в общежитии все шлюхи». Неудивительно, помещение, в котором испокон веков жили одинокие, обделенные лаской женщины, просто наполнено противоречивым коктейлем темы секса и болезненного порицания оногo. Все скандалы, даже по поводу непомытых сковородок, непременно сводятся к перемыванию косточек друг друга на тему постельных дел. Даже бабки, сидящие в холле, периодически подкалывают друг у друга:

— А чего это ты платок новый надела? Не иначе на бл...дки собралась?

...И ПРО ПРЕДОХРАНЕНИЕ

В туалете, опасливо выглядывая в коридор, не идут ли родители, прячется 16-летний парнишка в одних трусах, говорит шепотом по сотовому. Случайно слышу обрывок разговора:

— Че ты гонишь! Через ЭТО не беременеют!

Судя по всему, он говорит со своей тринадцатилетней пассией из соседнего общежития. Компании подростков чуть не круглые сутки пасутся в холле. Мальчишки шупают девчонок. Девчонки визжат и матерят мальчишек — такая реакция, по местным меркам, приличествует «хорошим девочкам». Но от парней они не отсаживаются. А потом их то тут, то там застают за «этим самым делом».

— Захожу в прачечную, а они там на столе всюю наяривают, даже головы не повернули! — возмущается Вера, попыхивая на кухне сигаретой.

При этом, за неимением денег, если они и предохраняются, то только тем, что называется «прерванный половой акт». Или бабушкиными поверьями, типа таблеток аспирина.

Рыжик рассказывал, как однажды мальчишки пошутили над девочкой, сказав, что клей «Момент» вполне заменяет презервативы, если его внутрь залить. В результате с травмами увезли и ее, и кавалера. «Клей, оказывается, там твердеет и царапается» — радостно делится познаниями пошутивший балбес.

Да и чего ждать от детей, если даже взрослые молодые женщины абсолютно безграмотны в половых вопросах. Болтали как-то по-женски, так одна вполне взрослая особа заявила, что не беременеет потому, что после каждого раза ходит в туалет.

Последствия такого невежества разные. Кто-то не может родить после первого аборта в 14 лет. Кто-то рождает уже пятого, не найдя 1500 рублей на очередную чистку в местной клинике. Кстати, именно по причине отсутствия средств на контрацепцию, — куча многодетных. А на третьем этаже, например, живет 34-летняя «бабушка» с 20-летней дочкой и 7-летней внучкой. И никто не считает это чем-то особенным. Как сказала вахтерша: «Да тут таких феноменов миллион, просто большинство внучек бабушки удочеряют и переезжают на другую фабрику, в другой город, чтоб никто не знал».

КОММУНИЗМ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТОЛОВОЙ

Раньше я знала только один вид «профессионального» чая — экспедиционный, с хвоей. Теперь знаю еще один — ткацкий, с хлопком. Пока вода закипает, на поверхности образовывается пленка пуха, как пенка на молоке. Не успеваешь достать бутерброд, как он тоже становится мохнатым, словно шмель. Такой «волосатый обед» — удел второй смены, потому что столовая работает только для первой. А еще точнее, — для смены офисных работников и начальства. Когда меня поставили в первую, я поспешила воспользоваться шансом обедать по-человечески.

Большой кафельный зал. Пахнет вареной капустой и хлоркой. На стене лубочное изображение лесной поляны. Столы занимают лишь треть помещения, потому что большинство ткачих из экономии предпочитают «волосатые бутерброды» в цеху. Выбор неплохой: по два вида салатиков, первого и второго, булочки и пирожки. Девчонки говорят, что раньше кормили кошмарно. Салатов не было вообще, в компоте плавали остатки борща... Спасло ситуацию обнищание фабрики, когда руководство решило сдать внаем административный корпус и переселилось на территорию комбината. С тех пор директор нет-нет да и захаживал в столовую, и кормить стали хорошо.

Стою в очереди. Всех записывают в журнал и денег не берут. Потом из зарплаты вычтут. Безналичный расчет. Перед кассиршей лежит калькулятор и деревянные счета. К моему полнейшему восторгу, работает она на счетах, по старинке. Стук-стук — как в детстве. Долго пытаюсь вычислить, что за популярное блюдо «палци». Выясняется — половина порции шей. Слушаю возмущенные рассуждения теток, что «цены выросли безбожно». Подходит моя очередь. По примеру всех впередистоящих называю имя-фамилию.

— А табельный номер твой? — спрашивает тетя раздатчица.
 — Чего? Ах это... Так я недавно работаю, пока не узнавала.
 — Так чего ж ты мне диктуешь, пиписька ты матом! — добродушно ругается тетя. — Узнай! А пока наличными расплачивайся. С тебя 25 рублей.
 — Сколько?!

— А ты что думала! Ты ж курицу берешь. Вон, возьми рыбу, она дешевле.
 25 рублей — это за полный обед с первым, вторым, салатом и какао. Коммунизм!

ПРО «ОТКУШЕННЫЕ» СТАНКОМ ПАЛЬЦЫ

В первый день адреналин и чувство эйфории помогли мне скакать от станка к станку, как щенок меж тапочками гостей. Но через пару дней к завтраку стали прилагаться два вида обезболивающих: от головы и от суставов.

— Привыкай, — вздохнула Таня в ответ на мои жалобы. — Здесь все на таблетках.

Профессиональных болезней у ткачих миллион:

Глухота. Всю смену барабанные перепонки находятся в самом что ни на есть барабанном состоянии. Многие затыкают уши свежей пряжей, но это скорее самоуспокоение. В конце смены в голове гудит и резко падает слух, поэтому все безбожно орут.

Падает зрение. Отверстия для нитей миллиметровые.

Жутко болят ноги. Ежедневные 8 часов безостановочных метаний по цеху — это добрый десяток километров. Посидеть получается только один раз в день — в обеденный перерыв — 20 минут. Все остальное время — бегом. У всех ткачих со стажем ноги обвиняют синие лианы варикозных вен.

Из-за постоянных зависаний над станком ноет поясница и пресс. Все ткачихи мучаются остеохондрозом.

О том, что происходит в легких, вообще страшно думать. Сугробы хлопкового пуха лежат всюду. Он красиво парит по залу сплошной белесой пеленой, забивает нос, глаза и рот. Мало того, тяжелый горячий воздух наполняет водяная пыль с машинным маслом — вдоль станков работают сотни пыхтящих форсунок. Это создается микроклимат, необходимый для бесперебойной работы машин. И человеку, чтобы дышать, приходится откусывать воздух кусками.

— Зимой еще ничего, вот летом тут вообще «мартеновские печи» — рассказывает Таня. — Такая баня, что девчонки в комбинашках и купальниках работают. То ли дело корпус «Меланжист», в котором мы раньше работали. Здание кирпичное, потолок в цеху стеклянный. Правда, стекло периодически билось и дождь шел прямо за шиворот, но зато не жарко. А здесь как в скороварке.

Еще болят руки, потому что рычаги на станках требуют серьезных физических усилий и приходится тягать многокилограммовые рулоны сотканной материи... Через неделю работы у меня на ладонях появились мозоли, порезы от острых деталей и множество красных пятен от укусов током.

Постепенно я стала различать наши машины по «характерам». Один не любит маленькие бобины и в знак протеста рвет нитку, у другого слишком тугой рычаг... Но особенно хорошо я помнила те, что любят «кусаться» током. После того как один из наших «питомцев» шибанул меня до судороги в предплечье, я взвыла и пожаловалась мастеру.

— Ничего не поделаешь, станки старые, — ответили мне. — Просто аккуратней с ними.

Страшнее всего то, что наличие таких вот «характеров» у станков говорит о том, что они разлажены и категорически не соответствуют нормам безопасности. Вот, например, среди ткачих полно женщин с изувеченными пальцами, сорванными ногтями, откушенными фалангами... Последний случай такого «людоедства» станком произошел прямо накануне моего появления.

— А что та ткачиха сделала не так? — спрашиваю я у девчонки. — Она же нарушила технику безопасности, раз покалечилась...

— Нет. Просто в то время, как она заправляла нитку, станок внезапно самостоятельно пошел.

Вот тебе и «плохой характер»!

«ЦЕНА» НИЩИХ ЛЮДЕЙ

Утренняя смена. Кошмар! Заснуть в общежитии раньше часа ночи нереально. Куча людей то смотрят в нашей комнате фильм, то болтают с Валькой, то просто стучат в дверь, чтобы спросить: «Ты спишь? А, ну спи». У меня пока не выработалось потрясное умение моей соседки засыпать в любом шуме, завалившись где-то между спинами, ногами и руками заполонивших кровать гостей. А подъем в пять утра. Свистящие чайники, ледяная вода, салат у соседей, потому что у них есть холодильник, но им во вторую смену — неудобно будить. Голодная, еле плетусь на работу. На обеих проходных под грозными плакатами «Предъявляйте пропуск» дрыхнут вахтерши. Их можно понять — какому идиоту в половине шестого утра придет в голову переться на территорию фабрики, если только он здесь не работает и не вынужден идти в первую смену?

Спать хочется до слез. Девчонки в один голос твердят, что поначалу из-за постоянного недосыпа плачут все. Говорят, месяца через три такое проходит. Мне страшно себя жалко, пока не захожу в цех — там Таня рядом с давно работающими станками. Она здесь с пяти! Ночной смены у ткачих сейчас нет — не хватает рабочих, так

она приходит на час-полтора раньше, чтобы выиграть время и наткать лишние 100 рублей. Здесь каждый подрабатывает, как может. Считают каждую копейку.

Однажды утром к нам в комнату заявили соседки-подружки — 19-летняя Аня и 22-летняя Люся.

Анька бледная как смерть и счастливая. Люська розовая, но несчастная. Обе с провалами под глазами. Выясняется, что после ночной смены они потащились на местный пункт переливания сдавать кровь ради огромного «богатства» в 400 с хвостиком рублей.

По анализам у обеих оказался низкий гемоглобин. С чего ему быть высоким с такими-то зарплатами и питанием? Но у Аньки он немного занижен, и у нее кровь взяли, хотя она на аппарате сознание и потеряла. А у Люськи совсем никакой, и ей дали от ворот поворот.

— Жаль, только один раз в месяц можно, — еле ворочая языком, заводит глаза к небу Анька, которая по вечерам, хныкая, смазывает маслом трескающиеся пальцы.

— Куда тебе еще! И так в обморок грохнулась! — машет на нее Люська. И с надеждой спрашивает: — А от свеклы гемоглобин поднимется?

Большинство ткачих ходят на работу в выходные, хотя они и не оплачиваются. Но в эти дни можно нагнать метров, перевыполнить план и получить лишние 300 рублей. А отпуск тратят на собирание лесных ягод для продажи.

— Я прошлым летом на землянике с черникой за месяц целых 400 долларов заработала! — гордо рассказывает мой мастер. — Если вставать так, чтобы к пяти утра быть уже в лесу, можно до полудня по семь банок ягод набрать. А потом — на БАМ (так они здесь называют Московскую окружную дорогу). Суставы, конечно, отказывают. Я когда до дороги доползаю, сначала полчаса на обочине просто лежу на куртке и пью таблетки. А потом торгую. По сто рублей за банку. Москвичи охотно покупают.

400 долларов за отпуск, потраченный на адский труд.

400 рублей за чуть ли не последнюю отданную кровь.

300 рублей за отказ от выходных.

Как дешево ценятся нищие люди.

«ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ»

На третьем этаже, где основной контингент — взрослые одиночки 30—40 лет, базируются маленькие детишки — стайка чумазой, предоставленной себе безотцовщины. Эти дети всем мешают. На них вечно орут и отовсюду гонят. И если они выживают, то скорее «вопреки», а не «благодаря», как тараканы.

— У нас на третьем, похоже, пожар! — На вахту вбегает женщина. — В комнате Ивановой. Из-под запертой двери гарью несет.

— А сама Иванова на смене, что ли?

Вахтерша набирает телефон цеха, где работает ткачиха, и просит передать ей, чтобы та пришла с ключом. Через пять минут в общагу врывается Катя — худенькая 27-летняя женщина. Запыхавшаяся, без верхней одежды, в мокрых джинсах, — описалась от ужаса по дороге.

— У меня там сын! Леша!

Одним махом она взлетает по лестнице. У двери толпа народу. Дыма пока не видно, но густой запах гари разносится по коридору. Замок ломать не решаются, потому как казенное имущество, за порчу придется платить, и никто не хочет брать на себя ответственность.

— Вышибайте дверь!— срывающимся голосом кричит Катя. — Там малыш!

Выясняется, что она прибежала без ключа, ведь он в сумке, в раздевалке, а она выскочила в чем была.

Взламывают. Перепуганный трехлетний Лешка забился в угол, посреди комнаты тлеет палас. Полно дыма. Чем он умудрился разжечь костер, непонятно. Рядом с кострищем чашка и оплавившийся чайник — мальчишка пытался залить огонь компотом и оставшейся в чайнике водой, но они быстро закончились. Горящий палас летит в окно, Катя выносит на руках наглотавшегося дыма Лешку и в полубессознательном состоянии еще долго трясет его: «С тобой все хорошо? Ты не обжегся? Голова сильно болит?»

— Зачем трехлетку-то заперла, курица?! — возмущаются соседи. — Что, не могла кого-нибудь попросить за ним присмотреть?

— Говорить все мастаки, — обсуждает с бабулями произошедшее вахтерша. — А следить-то желающих особо нет. У всех своих проблем полно. Да и не всякому ключ от комнаты оставишь, последнее вынесут.

— А чего ж она его в детский сад не отдаст?

— Экономят все! Да и кто его отводить-приводить будет, если мать постоянно на работе.

— А муж у нее есть?

— Есть. Помощи никакой. Пьет. Сейчас в больнице валяется.

Таких, как Лешка, бесхозных детишек в общаге много. Есть даже хуже. Мамы постоянно на работе. Дети как бы общие, и — ничьи. Они ничем не занимаются, просто круглые сутки носятся по коридорам общежития, мучают кошек и тех, кто младше. Отстают в развитии. Как правило, выглядят младше своих лет. Новые игрушки здесь не выживают. Лешке подарили пластиковый грузовик. Минут 15 ребенок радостно носился с ним по коридору. А через полчаса старшие мальчишки сказали, что он его «сам сломал и выкинул в окно». В окно, до которого малыш не мог дотянуться. Леша же упрямо прятал глаза и повторял: «Сямался грузовик». Как на зоне или в армии, жаловаться на старших не принято — побьют. Впрочем,

ломают не только чужие из зависти, но и сами маленькие хозяева игрушек, просто из неприязни к ним, таким ярким, красивым и благополучным.

Редко у кого есть свои папы. Мамы мотаются по разным фабрикам в поисках лучшей доли. И в каждой общаге находится новый временный «папа».

— Ты погляди, все ж поодиночке приезжали, а живут парами, да еще и меняются, — качает головой вахтерша.

Но фабричных мужиков на всех не хватает. Чаще заводят со стороны — местных или тоже приехавших на заработки с соседних строек. Очень много бывших экзов. После зоны им в ткацкой общаге просто медом намазано.

Малышня же растет в атмосфере постоянных пьянок, гулянок и разборок с милицией. Еще не научившись говорить, отменно матерятся. Прекрасно осведомлены по части физиологии. Сама наблюдала, как две пятилетние девочки затаскивали кота на кошку и пытались принудить их заняться сексом. Животные шипели и вырывались, а детки с азартом придавливали их головы коленом к полу. Эдакая садомазозоопорнография.

Влить же котенку в глотку вина — вообще милое дело, потому что с ними поступают так же. Не мама, так очередной временный «папа» спросит четырехлетнего мальчишку:

— Ты мужик?

— Музыка!

— Значит, выпьешь? — И восхитится: — Смотри-ка, даже не поморщился!

Я ужасалась, а старшие мальчишки только плечами пожимали: «Ну и что, я тоже первую рюмку в четыре года выпил».

На всех детях общаги с рождения стоит штамп эдакой «некондиционности». Учиться их всех поголовно определяют в коррекционную школу № 7. А понятие «коррекционная» — что-то среднее между «для умственно отсталых» и «для малолетних бандитов».

Но это только то, что видно снаружи. А сколько всего происходит внутри, за стенами ободранных комнаток. Такого, о чем до посторонних долетают только намеки, догадки, недоговоренности.

— Кать, а чего ты с ним, пьющим-то, живешь? — спрашиваю как-то.

— Зато он Лешке родной отец. Я сама с отчимом жила, знаю, как это, когда чужой мужик бьет до полусмерти и... Вообще издевается.

А многодетная Алла как-то призналась:

— Думаешь, от хорошей жизни-то старшие, едва по 16 исполнилось, поуходили? Вот дочке, например, «папа» предложил замуж за него выйти. «Женюсь на тебе, ребеночка мне родишь» — заявил.

ЕСТЬ ВАХТЕРШИ В РУССКИХ ОБЩАГАХ!

Я долго не могла понять, почему в комнатах ниши для окон огромные, а сами окна маленькие, узкие — в сущности, одни форточки. И только рассмотрев стены снаружи, поняла, что они просто заложены кирпичом. Весь первый этаж. Выяснилось, что это последствия борьбы с «женихами». В советское время дверь в 11 вечера закрывалась. Так народ ходил через окна. Благо тогда они были большими и низко от земли. Стекла бились, показатели моральной устойчивости падали. Вот и заложили все, оставив только форточки. Но в наше время и это не помогает. Хоть свои, хоть чужие шлятся в общагу круглые сутки. Запуганные бабки-вахтерши слово поперек сказать боятся.

Как-то, придя с работы, я застала 19-летнюю Аню в слезах. Дверь в нашу комнату была разбита и не закрывалась. Оказалось, с третьего этажа спустился пьяный бритый бугай эковского вида и стал ко всем цепляться с требованием дать ему жвачку. Кто постарше и поосторожнее, быстренько ретировались по комнатам. А молодая и норовистая Анька дерзко отшила его. Мол, нажрался — сиди дома. Мужик с ревом: «Тебе че, сучка, жить надоело?» кинулся за ней. Перепуганная Анька заскочила в нашу с Валею комнату и заперла замок. Мужик, матерясь, стал вышибать дверь. Увы, тетушки-соседки, которые при малейшем шуме рьяно строили молодежь, сейчас даже носа не высунули. Правило «своя рубашка ближе к телу» действует в общежитии безотказно. Дежурившая в тот день вахтерша втихаря вызвала милицию, но сама вмешиваться и не подумала.

— Он сейчас дверь вышибет, — поджала губы Валя и открыла, невзирая на мольбы Ани.

А потом мужик кидал и тряс визжащую от ужаса Аньку за грудки, удовлетворенно повторяя: «Что, боишься меня?» Неизвестно, чем бы все закончилось, но прибежала пассия бритоголового. Кто-то сказал ей о скандале. Выяснилось, что мужик этот в общежитии не живет. То есть живет, но незаконно, у этой самой бабы. Боясь, что вытурят обоих, девица потащила его на вахту «извиняться». Мол, напился, не соображает, простите. И тут наконец появилась милиция.

— Он уже уехал, — соврала вахтерша ментам под тяжелым взглядом бритоголового.

— Зачем же ты открыла? — спрашиваю Валю.

— Аня будет нарываться, а мы будем с выломанной дверью жить? Вот и пряталась бы у себя, — спокойно парирует Валя.

— Он же нам дверь сломал, девчонку ударил и вообще незаконно здесь! Почему же вы его не сдали? — спрашиваем у вахтерши.

— Ну.. Он же извинился — прячет глаза вахтерша и тут же переходит в наступление: — И вообще, водят мужиков, а потом жалуются. Вот иди и сама с ним разбирайся!

А как разбираться? Милиция от общежития страшно устала. Чуть ли не половина вызывов — в Казармы. А с бытовой чаще всего и поделаться-то ничего нельзя.

— Совсем недавно жил и у нас на первом этаже «откинувшийся» зэк, — вспоминают соседки. — Весь этаж в страхе держал. Напивался, дрался. Слово ему поперек скажешь — башкой об стенку приложит и «пришить» пообещает: «Мне терять нечего, все равно рано или поздно на зону возвращаться». А милиция приезжает и ничего сделать не может. Он же лучше их УПК знает, выкручивается. Номерами статей так и сыплет. Им нужны заявления от конкретных людей, а кто ж жаловаться напрямую на него рискнет? Милиция по телефону так и отвечала: «Вот будет труп, тогда звоните». Так и жили, пока кого-то по пьяни не порезал и не посадили. Но этот ушел, — другой придет. Их тут много.

На третьем другой жил. Его жена то и дело с порезанными руками-ногами из комнаты выскакивала. Чуть что — за нож хватался. А в милицию писать заявление боялся: «Пока они разберутся, он меня убьет!»

Не меньше зэков боятся местной шпаны. Они в качестве аргумента на право «шляться в общагу», что только бабкам-вахтершам не показывали: и ножи, и гранаты, и просто спрашивали «не боитесь, что машина задавит?» А у грозных стражей общаги из оружия разве что валенки, дверь каптерки не запирается и зарплата одна тысяча рублей, за которую надо жизнью рисковать.

На Восьмое марта местные ребята пообещали мне вспороть живот. Это случилось, когда мы вернулись с гулянья. В общаге за нашим столом сидела совершенно левая компания и дожирала остатки нашего оливье под свой технический спирт. А когда я возмутилась и потребовала убраться, мне показали нож. И все-таки у меня хватило самообладания спокойно сказать: «Я вызываю милицию», и дойти до вахтерши. Но какого же было мое удивление, когда, услышав про нож и увидев этих ублюдков в дверном проеме, тетенька открестилась: «Я никого вызывать не буду. Хочешь — вызывай сама». Я подняла трубку и ватными пальцами набрала номер. Сразу после этого парни свалили. Я победила, но все это время у меня в голове билась одна мысль: а если бы и правда пырнули?

И все же была у нас одна — тетя Тоня. Большая, крепкая, ворчливая, как водопад Ниагара. Как говорится, «в горящую избу войдет, слона на скаку остановит и хобот ему оторвет». Приперся как-то в общагу Любкин ухажер Вася (тоже, кстати, бывший зэк), пьяный и с газовым пистолетом. Что-то они там не поделили, он пушку вытащил и давай палить во все стороны. А тетя Тоня — божий одуванчик, не испугалась, подскочила к нему, оглушила трехэтажным матом, пистолет отняла и с криком: «Какой же ты на фиг

боец, если тебя женщина обезоружила?» — кобурой по морде наступала. Надо сказать, действие возымело лучше любой милиции. Теперь Вася при входе в общагу расшаркивается, здоровается, извиняется и ни в какие скандалы не вмешивается.

Но тетя Тоня не каждый день дежурит. Так я после всех этих переживаний купила тяжеленную чугунную сковородку и возле двери ее положила. Пусть теперь кто-нибудь жвачки попросит!

ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОЙ ЖИЗНИ В ОБЩАГЕ

Очень скоро я вывела свод основных правил для жизни в общежитии. Чтобы, проживая здесь, сохранить нервы и здоровье, необходимо:

1. Не пить спирт, даже если в компании клянутся, что он медицинский. Как правило, он все равно оказывается техническим. В лучшем случае травмишься: обнимаешься с унитазом и пьешь валокордин, чтоб не сдохнуть. В худшем серьезно «едет крыша». Например, в заводской «переодевалке» три тетki решили «деребануть» за праздник. Выпили-то по паре рюмок. Так две под лавкой спать улеглись — только на следующий день разыскали. А третья в одних трусах к мужикам в раздевалку побежала — еле поймали-скрутили — домой отвели.

2. Настороженно относиться к мужчинам, которые с ходу обращаются к тебе с ласкательными прозвищами, типа «солнышко», «заинька», «лапочка»... Это почти стопроцентная примета эжков. А они люди нервные и непредсказуемые. Здесь вообще очень сильна тюремная культура. Мальчишки, выросшие в Казармах, на зону попадают поколениями. Компанией смотрели фильмы типа «Бригада» (они страшно популярны у измотанных нищетой ребят), вместе учились ходить на «гоп-стоп», вместе сели. А потом они возвращаются в родные Казармы, привозят заточки, игрушки из хлебного мякиша, которые валяются по всей общежитии, и привычки.

3. НИЧЕГО не говорить пьяным, кроме «да», «нет», «не знаю», иначе рискуешь получить в лоб. Самая распространенная здесь причина драк — разговор: «Ты че? — Ниче! — Ну и все!» «Махалово» происходит почти ежедневно. На мужиков с третьего страшно смотреть — ассортимент ран и синяков обновляется ежедневно. Дерутся и женщины, как правило заподозрив друг друга в желании увести мужика.

4. Не оставлять на столе того, что хочешь съесть сам, — тут же съедят другие.

5. Не бояться тараканов, потому что бесполезно — они везде, даже в платяном шкафу.

6. НИЧЕГО не говорить при 15-летней тихоне Наташе, которая постоянно пасется на вахте, но периодически заходит в гости во все

комнаты. Потому как она лазутчик бабушек-старушек. И все сказанное при ней в искаженном виде будет знать вся общага и может быть использовано против тебя.

МЕЧТЫ О СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

«Эх, жалко мне твоих родителей!» — эту фразу за время работы на фабрике я слышала почти каждый день.

Жалеть родителей молодежи — самая популярная «мулька» фабричных пенсионных тетушек. Даже если эта тетя понятия не имеет, кто твои родители, где и как они живут, она непременно найдет возможность тяжело вздохнуть и их пожалеть. То, что фабричные дети, вырастая, не интересуются матерями, не могут или не хотят им помогать, здесь считается аксиомой. Убедить, что бывает по-другому, нереально. Рядом сотни грустных примеров вышедших на пенсию соседок по общаге.

По коридору еле ходит бабушка на костылях. Она даже чайник нормально поставить не может. А в комнате у нее форменная берлога. Как-то предложили ей помочь хотя бы убраться. «Ничего-ничего, — отказалась бабуля. — Вот доча придет и все уберет». «Доча» у нее работает в соседнем с общагой магазине. Но приходит только раз в месяц — в день выдачи пенсии. Забирает у матери все деньги, оставляя нищенский продуктовый паек, и снова исчезает.

Даже к самым «везучим» бабкам дети приезжают только изредка и почти во всех старческих комнатах бедлам и антисанитария. Есть настолько страшные судьбы, что просто не верится глазам.

Баба Валя когда-то была ткачихой-передовиком, состояла в Комитете народного контроля. Была сильной красивой женщиной. Потом наступило пенсионное одиночество и в 60 лет, на зависть соседкам, завелся у нее молодой 20-летний любовник. Впрочем, ситуация не такая уж и завидная, поскольку ходил он к ней, зная, что всегда получит деньги на выпивку. Скоро альфонс исчез, а пересуды и брезгливое неуважение соседок остались. Всеми заброшенная баба Валя запила, завшивела, потом простудилась и заболела хроническим энурезом. Постепенно на ней сгнило все белье, и она стала ходить в одном и том же халате с жакетом, без штанов.

Узнав, что есть такая, я решила навестить ее. Когда зашла, баба Валя лежала на промаринованном мочой, жутко вонючем диване, над ней роилась стая мух. Вокруг — метровый слой прелого мусора. Она проснулась и попыталась подняться, но рука не слушалась — висела как плеть. Похоже, микроинсульт.

— Баба Валя, миленькая, как же так? — Я действительно потеряла дар речи.

Ожидала чего угодно, но такого...

— Вот проклятье, тело не слушается, — раздраженно хныкнула старушка.

— Чем помочь? Ты чего-нибудь хочешь? — в полной растерянности пробормотала я.

— Есть хочу. Там колбаса, — указала на сумку несчастная бабка.

Я заглянула в сумку и чуть не потеряла сознание. На куске варено-копченой колбасы копошились черви. Побежала, принесла ей салат, тертый лимон. Баба Валя, чуть приподнявшись на локте, поела.

— Ты бы шла в дом престарелых, что ли? Там за тобой хоть какой-то уход будет.

— Да я просила у коменданта, — отмахнулась баба Валя. — Она сказала, что я молодая слишком.

— Она явно выжила из ума. Почему ее не отправляют куда-то, где за ней будет уход? — докопалась я до вахтерши.

— Во-первых, у нее есть дети, которые живут где-то в Москве. Ни разу не приезжали. Если она им такая не нужна, то почему мы должны что-то делать? — пожала плечами женщина. — Меньше пить надо. И вообще, разговаривайте с комендантом.

У нее есть дети! Я чуть не заплакала, представив свою маму в такой ситуации.

— Да чего ты изводишься-то? — «успокоили» меня местные подростки. — Здесь у всех бабок так.

«У всех ТАК». А ведь почти у всех ткачих есть хотя бы один ребенок! И почти все они отдают этим детям свою пенсию.

Еще одна бабушка — самая старенькая, сухонькая, изредка меряющая коридор общаги мелкими шуршащими шажками. Как-то я с радостью узнала, что сын к ней приезжает даже несколько раз в месяц. Особо прибраться он не может, но в магазин ходит, чем может, помогает, договорился с вахтершами, что за небольшую денежку из маминой пенсии они будут ее кормить. А тут разнесся слух, что вроде даже забирает маму.

— Уезжаете? — улынулась я как-то при встрече.

— Да, в Калачево! — радостно прошелестела бабуля. — Меня там помоют, оденут в чистую рубашечку, будут за мной ухаживать...

— А что у нее там в Калачево? — переспросила я у теток.

— Местный сумасшедший дом, — усмехнулись они.

«Ну, спасибо хоть так, а не как баба Валя», — промелькнуло в голове. Сумасшедший дом — предел мечтаний многих постаревших ткачих.

«МОЯ СОСЕДКА ВЕДЬМА!»

Один из самых ярких скандалов на моей памяти состоялся именно после того, как Любашу заставили-таки прибраться в комнате

и подселили к ней 40-летнюю блондинку со следами былой красоты на лице. На общей кухне новенькая совершила непростительную ошибку, представившись нашим Люськам-Веркам-тетям Таням «Анной Валентиновной», чем тут же заработала намертво приклеившуюся кличку Белая Горячка. После этого ее персона стала одной из популярнейших тем для обсуждения. А вела себя Белая Горячка крайне странно. Если она не работала, то сидела в комнате, расчесывая игрушечного медведя. А ночью спала в обнимку с фотографией парня в военной форме. Как выяснилось, лет десять назад она уже работала на этой фабрике и поочередно пожила почти во всех общагах комбината. Здесь у нее было два кавалера, одного из которых она любила. По закону подлости, предложение сделал другой. Белая Горячка вышла замуж, уехала и родила пятерых детей. Теперь муж умер, и она, оставив детей на попечение родственников, приехала обратно. Ответ на вопрос «Зачем?» превратил трагедию в фарс. Оказывается, она приехала великодушно снять с давнего любимого «наложенное ею заклятие», иначе он якобы должен очень скоро умереть, если не женится на ней.

Скандал же произошел из-за того, что простодушная Любашка, несмотря на новую соседку, позволила остаться Васе на ночь. Под покровом тьмы они решили заняться сексом. В самый разгар Белая Горячка вскочила и врубила свет с криками на весь коридор: «Меня еще никто так не унижал!» Далее последовали красочные разборки с упомянутыми ранее криками про «шалаву», «грязные трусы» и «сама такая». Но поистине феерическим стало окончание разборок, когда на стол коменданту легли две записки. Кляуза от Белой Горячки, что она не потерпит разврата в своей комнате, и объяснительная от Любашки с требованием оградить ее от соседства с Ивановой А. В., потому что та — ведьма!

СВАХА

— Так, Люда, тут шикарный инвалид, 50 лет с трехкомнатной квартирой, — доносится из коридора манерное контральто, и на кухню с неизменной папиросой и новой газетой в руках выплывает сваха нашей общаги Верочка.

— А машина у него есть? — отрывается от сковородок 50-летняя тетя Лида, симпатичная, хоть и беззубая ткачиха.

— Про машину ничего не сказано.

— Не. Я хочу с машиной. Давай еще поищем.

— Ну, смотри, тогда я его Татьяне отдаю, — пожимает плечами Верочка и принимается сверять коды мужских объявлений в газете со своими записями в тетрадке. Мужиков у нее целая картотека.

Вера высокая, с огромными, грустными глазами. Красотка, хоть и потрепанная жизнью. Ей 42 года. В юности жила в Ташкенте. От

того времени унаследовала привычку называть жидкую мясную подливку с макаронами романтичным словом «лагман». Двадцать лет назад вышла замуж за слесаря Жору. Родила пятерых детей, которые повыходили замуж и переженились в разных городах, пока семья моталась по России в поисках лучшей доли. Жора работал по специальности, а Верочка — где придется.

— Как-то даже дояркой пришлось, — вспоминает она. — Я как со своим маникюром, шиньоном и в макияже в коровник приперлась, так с коровами чуть родимчик не сделался!

В Егорьевск Вера с Жорой приехали несколько лет назад с двумя младшими сыновьями. Ткачихой она отработала всего год — не выдержала нагрузок, ушла. Потом была барменшей в соседнем с общагой кафе. Но настоящее ее призвание — сваха. Началось все еще в Ташкенте.

— Мне всегда было жалко одиноких подруг, прямо руки начинали чесаться, как бы их замуж отдать, — вспоминает Верочка. — Но тогда газет с объявлениями не было. И я знакомила всех живую.

В общаге же с ее легкой руки живут уже две пары. А сколько уехали! Вера сама покупает газеты с объявлениями, сама предлагает одиноким соседкам интересные варианты. Естественно, все это за так, для души. Иногда к ней приходят даже из других общаг. Сами ткачихи стесняются звонить в редакцию и узнавать телефоны, а уж тем более бояться говорить с кавалерами. Вера все это берет на себя. Мало того, она даже на первую встречу, если надо, приходит, чтобы убедиться, что мужчина нормальный и серьезно настроен. И только тогда отдает ему свою очередную подопечную. Кстати, именно она нашла одной из ткачих мужа — единственного в общаге, кто готовит жене еду. Вера от природы очень неглупа, и у нее шикарный нюх на людей.

— Смотри: «Обеспеченный молодой человек 22 лет, порядочный и симпатичный ищет девушку для серьезных отношений», — дергают ее девчонки.

— Врет, — отрубает Вера.

— Почему?

— Потому что 22-летний, который действительно симпатичный, и на танцах познакомиться может. А если человек пишет про себя «порядочный», значит, как раз с порядочностью у него что-то не то.

Иногда она объяснить толком не может, почему не лежит душа к очередному «кандидату», просто не нравится ей объявление, и все тут. Как-то пошла на поводу у одной великовозрастной невесты, позвонила человеку, который ей не нравился. Договорилась встретиться у дверей общежития. Вышла сначала сама, а он как начал орать: «Вы здесь все шлюхи, пропитые, прокуренные!» Психом оказался — не подвело чутье. Неудачные экземпляры Верочка

заносит в «черный список». И поэтому, заглядывая на очередную страничку объявлений, всегда знает, кто есть кто.

Зимой все встречи Вера назначает на крыльце общаги, потому что у нее нет сапог. А муж Жора не считает нужным покупать ей что-то. А еще он бьет ее. Жестоко. А Вера пьет. Не постоянно, но периодически напивается в хлам. За это он бьет ее еще больше.

Однажды на праздник мы купили воздушный шарик и все писали на нем свои желания — есть такая примета: его потом отпускают и желания сбываются. Так вот, все написали «хочу встречаться с тем-то», а 18-летний Веркин сын Саня: «Хочу, чтобы мама бросила пить, чтобы папа перестал ее бить, чтобы у него прошла язва». И я чуть не расплакалась.

— Зачем пьешь? — спрашиваю я Веру. — Просто уходи.

— От безысходности. Поздно мне уже что-то менять. Куда я пойду? Вот эта сраная общага и есть моя жизнь, — вздыхает Вера и продолжает искать счастье для других.

Перед моим отъездом к тому самому «шикарному инвалиду» переехала 50-летняя тетя Таня. Они встретились несколько раз, а потом она прибежала, сияющая, собирать вещи:

— Он сказал: «Никуда тебя больше не отпускаю».

И счастливая Верка, держась за полчаса назад отбитую печень, поплелась вычеркивать из списков еще одного «перспективного жениха».

РАЙ В ТУАЛЕТЕ

Конечно, в работе нет ничего лучше момента ее окончания. Но все же и в течение самой смены у меня были любимые вещи и моменты:

Во-первых, ощущение маленьких, но частых побед, из которых состоит физическая работа. В интеллектуальных вещах, например в журналистике, никогда нельзя быть уверенным, что ты победил. Сколько людей, столько мнений. А здесь все просто: станок пошел — победа.

Во-вторых, это ткань «вельветон», из которой делают портянки. Мы ткем аж девятнадцать видов. Но эта — самая шелковистая.

В-третьих, походы в туалет. Там кошмарная грязь и запах; там постоянно падают на голову чудовищного вида сверчки, вьющие гнезда в хитросплетениях труб; там нечем дышать из-за табачного дыма... Но там ТИХО! И еще есть вода, которой можно окатить потное лицо, смыть пятна машинного масла с запястий рук. Станки-то громадные: чтобы завести нитку, порой приходится исполнять такую камасутру, что невольно пачкаешься о детали машины. И вот сидишь ты в этом туалете на лавочке, чистая, освеженная, гул станков, как морской прибой откуда-то сверху

доносится, девчонки рядышком журчат... И в этот момент печенкой понимаешь поговорку: «Тихо, как в раю».

КРУГОМ ОБМАН!

О том, что приедет хозяин, нам сообщили за сутки. В торжественный день по приказу начальства мы драили станки и маскировали грузы, которые вешаются на заведенную в станок дополнительную нитку. Они же указывают, что «основы» — катушки, заряжаемые в станок, бракованы. Но начальство считает, что хозяину об этом знать ни к чему.

— Как ни к чему? — недоумеваю я. — Нитки же гнилые! Воняют тухлятиной! Транспортников рассказали, что они там под дырявой крышей стоят — то мокнут, то мерзнут, то оттаивают...

— Тебе начальство сказала прятать, — прячь — командует Таня. — Не наше это дело. Наше дело соткать то, что нам привозят. Тухлое так тухлое.

Наконец идет! Мастер и старшая смены кидают все дела и выскакивают в цех. Приказано изобразить бурную деятельность.

Хозяин, ради которого всех так гоняли, был в цеху в течение нескольких секунд. Почти не поднимая головы, они с директором прошли сквозь зал и скрылись в другом помещении. Я даже лицо не успела разглядеть. А на станки он и не посмотрел. Было обидно.

А на следующий день наше руководство торжественно открывало залы прядильной фабрики с новым оборудованием. Съехалось местное телевидение, газеты и весь «бомонд» легкой промышленности. Разрезали ленту. Директор сказал речь о том, что егорьевская продукция теперь будет еще лучше, потому как ткать ее будут из новой пряжи. Показали молодых операторов новых станков. Для полноты картины не хватало только беременных, которых они вышвырнули ради технического прогресса, нарушая все законы КЗОТ...

Нам с Таней тоже зарядили один станок производением немецких роботов. Пряжа, конечно, шикарная. Нитки тоненькие, идеально просушенные, равномерно намотанные. Все бы хорошо, но эта «основа» была первой и последней за все время моей работы. После нее снова пошли старые, тухлые нитки.

— Всем протрубили, что у нас теперь будет только «Ритер», и куда же все делось? — спросила я как-то утром в «сплетнической» у девчонок.

— Да в Иваново ее возят. У хозяина-то и там фабрики есть. Вот они и рассудили, что камуфляжную ткань купят вне зависимости от ее качества. А вот ситец должен быть хорошим.

А самый главный обман — утверждение начальства, что от тебя зависит, сколько заработаешь. Ведь чтобы влиять на заработок,

ткачиха должна следить за бесперебойной работой станков. А это нереально! Часть машин по полсмены стоит, потому что сломались, а наладчиков не хватает. В результате я научилась не только ткать, но и ремонтировать станок по мелочи, чтобы поменьше зависеть от других. На части простаивающих машин закончились нитки на «основе», а новых нет, потому что плохо работает «сновальный» цех. Все это гробит производство. Но жаловаться запрещено, чтобы «не колыхать болото».

Так что это там, «наверху», в больших городах наступил капитализм. А здесь правит все тот же махровый «совок» в самом худшем смысле этого слова.

ПРОСТЫЕ МЕЧТЫ

Однажды я поняла, что срок моей командировки подошел к концу. Я освоила профессию ткачихи и прочувствовала, что такое быть рабочим классом. Пора домой. Когда я объявила о том, что ухожу, старший мастер Леонидыч огорчился. Мне предложили прямо сейчас, через неполный месяц обучения взять личные станки. То есть стать самостоятельной рабочей намного раньше положенного срока. Отказываться от такого доверия было очень тяжело, но пришлось.

За месяц тяжелейшего труда я заработала кучу мозолей, сотрясение мозга (на голову свалился рулон с тканью и железной балкой внутри) и почти 1000 рублей, 400 из которых отдала за общагу. На оставшиеся деньги я купила масляные краски и нарисовала на двери бывшей своей комнаты корабль с алыми парусами. Моим фабричным мальчишкам и девчонкам на память. Сказочный парус, как символ того, что их желания непременно сбудутся. Тем более что не такие уж и сложные эти мечты. Жить в мире, где мужчины дарят женщинам цветы. Где есть душ. Где на их детях не будут с рождения ставить тавро «умственно отсталых». Где солдаты и зэки не будут покупать их «за шоколадку». Где у них будет хотя бы нормальный гемоглобин в крови, чистый туалет и не будет греющихся крыс в кровати...

Ведь они заслуживают всего этого уже просто потому, что умеют ценить хорошее, как никто другой.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Узнав о готовящейся публикации, руководство фабрики в лучших традициях царящего здесь «совка» устроило массовый прессинг, от которого пострадали даже валенки, мирно сушившиеся на батарее у вахтерши. Несчастные были засунуты глубоко под кровать, где их очень скоро сожрут мыши. Вина валенок в том, что я про них

написала. Ведь местное начальство считает: если журналист написал про что-то, неважно про что, значит, это плохо!

КАК МНЕ ПРЕДЛАГАЛИ ВЗЯТКУ И ПУГАЛИ

«...Давайте встретимся и обсудим ваш будущий материал на взаимовыгодных условиях» — гласила эсэмэска, пришедшая на мой мобильник от некоего анонима. Эсэмэска была далеко не первой, и, судя по высказываниям и настойчивости, аноним был одним из представителей фабричного руководства. Это было в конце апреля, за две недели до выхода первой части материала. Но на фабрике о нем уже знали, ждали и боялись.

Оповестила местное руководство Татьяна Соснина — глава центрального комитета профсоюзов текстильной и легкой промышленности. Я обратилась к ней с просьбой прокомментировать вносящийся на егорьевском производстве кавардак, она позвонила на комбинат, и понеслось... Посыпались звонки и эсэмэс-сообщения с требованиями и просьбами прочесть готовящийся к публикации материал. Как и положено, я отсылала всех к своему начальству.

Тогда в ход пошли шпионские мотивы а-ля «тридцать восемь утюгов на подоконнике»:

— Здравствуйте, мы дружественная фирма, которая работает с Егорьевской фабрикой вот уже много лет, и у нас есть очень интересные компрометирующие факты.

— А я думаю, что вы от руководства комбината...

— Нет, мы с дружественной фирмы!

— Какие факты?

— Вот встретимся и поговорим.

— Вы сначала хотя бы вкратце скажите, что у вас есть...

— Нет, это вы сначала расскажите, о чем будете писать. Как же я могу рассказывать вам что-то, не зная вашего настроения.

— А, ну все с вами ясно. Да, кстати, а откуда у вас мой сотовый телефон?

— А для нас труда не составляет выяснить ваш сотовый телефон, мы все про вас знаем! — Самодельный «шпион» не в силах сдерживать чувства собственной важности, и его начинает «нести». — Мы знаем, что вы проработали с такого-то по такое-то и что вам начислено столько-то денег, и ваш адрес мы знаем...

Не хватало только фразы про то, что они знают, по какой дороге ходит в детский сад моя дочь. Прямо «козаностра» какая-то.

Дошло до того, что руководство фабрики атаковало рекламный отдел газеты (там принимают материалы на платной основе) предложениями дать комментарий за деньги, лишь бы заполнить текст. Не удалось.

В ТРИ ДНЯ ПОЧИНИЛИ ПОЛГОДА НЕ РАБОТАВШИЙ ДУШ

Убедившись, что публикация все же будет, и без всяких правок, руководство решило хотя бы максимально ее предупредить. Основные претензии я высказывала в разговоре с Сосниной. Так что в общих чертах о том, что меня неприятно потрясло, они знали. Но для верности надо было перепроверить. Смотреть историческое место, где жила журналистка, в Казармы снарядили целую комиссию.

— Чистенько, обои вот даже... Чего возмущается? — подытожило начальство, упустив из вида, что косметический ремонт комнаты делался за мой счет, как подарок остающимся после меня ребятам.

Они бы лучше не мою комнату смотрели, а прошлись бы по другим, пока еще «грязненьким», и предложили жителям тоже сделать ремонт, только уже, как и положено, за счет взывающей квартплату конторы. Вряд ли бы кто-то отказался.

Нашла комиссия и красочно описанный мною амбарный замок на душевой комнате. О том, что я буду писать об этом безобразии, знали даже местные тараканы. Уж очень эмоционально жаловалась я соседкам на отсутствие простейших условий, чтобы окончательно не завшиветь. Так что душевая была приговорена.

Случилось чудо — срочно вызванная бригада строителей в три дня сделала душ, который до этого «ремонтровался» в течение почти полугода! Теперь жителям общаги есть где мыться! Правда, горячая вода там появляется только когда работает фабрика. В нерабочие дни и часы — только ледяная. Символично — кто не работает, тот не только не ест, но и не моется.

Мало того, строители даже покрасили наиболее обшарпанную половину первого этажа. Короче, дело за малым стало: докрасить вторую половину, заменить неработающие лампы в коридоре (это значит все, кроме одной) и привести в божеский вид прачечную комнату. А то там по-прежнему дощечкой регулируется слив канализации. Надеюсь, для этого в Казармы не придется вселяться еще одному журналисту.

ГАЗЕТУ ЛИКВИДИРОВАЛИ С ЛОТКОВ И РАБОЧИЕ «ЧИТАЛИ» ЕЕ ПО СЛУХАМ

— А чего это она моя? Она такая же моя, как и твоя! Все с Ясей общались... — Так в кухонных разговорах перепуганные девчонки начали отрешиваться от каких бы то ни было связей со мной.

Все дело в том, что как в 30-е годы, над всеми «дружившими с журналистом» нависла угроза «репрессий». Связь с «врагом народа» каралась допросом в кабинете директора. «На ковер» сразу же попали те, кто теснее всего общался со мной, — мастер и соседка по

комнате. Не избежала допросов и комендант общаги. Всех долго мурыжили, выясняя, о чем и на какие темы они со мной говорили, какие «военные тайны» выдали.

Но самый большой дурдом начался, когда материал пошел в печать. С лотков Егорьевска резко исчезла «Комсомольская правда». Раньше лежала. А тут вышел первый номер, которого все так ждали (слухи-то расплозились по всей фабрике), а «КП» нигде нет. Продавцы только пожимали плечами. Говорили, что весь тираж скупает руководство фабрики. Единицы номеров, которые приносили на фабрику подписчики, тут же были отксерены и зачитаны в общаге в буквальном смысле слова «до дыр».

— Мы тут этот ксерокс, как во времена революции «Искру», на вахте вслух большими компаниями читаем, — рассказывали мне.

Так планомерно сгинули первые восемь частей. Но в один прекрасный день газета неожиданно вновь появилась на прилавках. Если верить слухам, у руководства закончились средства, запланированные на скупку газет, — не рассчитали на такой длинный материал. Однако к тому времени сплетни вокруг публикации разрослись самые невероятные. Еще бы!

— Вот идут рабочие со смены, проходят мимо, а разговоры только о газете! — рассказывали мне потом. — Но говорит большинство не о том, что сами прочли, а о том, что от кого-то слышали.

Действительно, почитать удавалось не всем. Мало того, каждый прочитанное понимал по-своему. И далеко не всегда правильно. Да еще пересказывал со своими домыслами. В результате «испорченного телефона» оказалось, например, что я якобы написала: «все жительницы общаги в свободное от ткачества время работают проститутками». Ну и еще много подобной дребедени.

— Она написала, что мы живем в публичном доме, выставила нас всех шлюхами! — возмущалась одна из моих бывших соседок, про которую, кстати, в силу ее незаметности и спокойствия в материале не было ни слова.

— Да не выставляла она нас никем! — отмахивалась другая. — Написала, что в городе про общагу говорят, так правда же! Написала, что мальчишки наши рассказывают про некоторых отдельных девушек, — так тоже ведь правда, и не про всех это!

— Все равно, нельзя так про общежитие! — вступала комендант.

— А не вы ли, Вера Борисовна, когда общаги от фабрики отделили и самостоятельным предприятием сделали, вышли в коридор с громогласным объявлением: «Теперь я хозяйка этого борделя!»

Буря стихла, когда на прошлой неделе мы привезли в общагу все пропущенные номера. Многие раньше возмущавшиеся женщины прочли наконец-то все самостоятельно и в растерянности пожали плечами: «И чего все раскудахтались? Ничего страшного. Все так и есть».

МЕНЯ ПРОРАБОТАЛИ НА «ПАРТСОБРАНИИ»

Но еще до того, как мы привезли людям газеты, начальство «Егорьевского имущественного комплекса», которому принадлежат комбинатские общаги, решило направить гнев народных масс в нужное русло.

В конце мая, впервые с советских времен в холле общежития повисло объявление с просьбой всем явиться в «красный уголок» на собрание. Повестка дня ни у кого не вызывала сомнения: конечно же моя «разлагающаяся личность».

Так как народ был частью на дневной смене, а частью отсыпался после ночной, зал заполнили почти одни бабули-пенсии. Мало кто из них читал материал, еще меньше вообще помнили, о чем там шла речь. Собственно, на собрание и шли-то, чтобы от начальства узнать, о чем же написала газета. Само собой, за чиновниками не заржавело...

— Все мы живем в обществе и у каждого общества есть свои неприглядные стороны, и нельзя выносить сор из избы — скандировал глава отдела по быту. — Как можно было так писать про нас, ведь мы дали вам кров и работу..

Впору было пустить слезу. Естественно, в этот момент никто не вспомнил, что из благоустроенных общаг всех рабочих перекинули в развалюху, а их жилье отдали немцам. Что на деньги, которые ежемесячно платят жители «Казарм» за проживание, вполне можно было бы давно отремонтировать не только душ и коридоры, но и комнаты. Просто уходят эти деньги куда-то. Сейчас появился очень удобный случай — перекинуть ответственность за все эти проблемы с тех, кто должен их решать, на того, кто «посмел» их заметить:

— Она выставила вас алкоголиками и грязнулями! Вас, рабочих людей! Написав эту статью, она унизила ваше человеческое достоинство! Нельзя молчать! Мы будем публиковать опровержение!

— Подайте нам эту журналистку! Мы ей покажем!

— Кому нужна такая правда? Зачем сор из избы выносить?

Дальше на мою голову посыпались оскорбления, самым мягким из которых было «шалава». Короче, людям объяснили, что во всех бедах егорьевской общаги виновата журналистка. Оказывается, это не они унизили ткачих, заставив их жить в нечеловеческих условиях, а я — тем, что обратила внимание людей на это.

Тем, кто порывался выступить в мою защиту и напомнить, что хоть все написанное и неприятно, но это правда, просто не дали слова. Удержали за руки. И слава богу, а то беснующаяся толпа принесла бы их в жертву ораторскому искусству директора по быту.

Жаль, что журналист — тихий дядечка в возрасте — был по дружбе приглашен местным руководством как раз чтобы не выносить сор из избы, а написать торжественную отповедь вместо

простой и красочной стенографии этого собрания. Конечно, в каждой строчке пришлось бы ставить сплошные точки, но Ильф и Петров обзавидовались бы!

БАБУ ВАЛЮ ПОМЫЛИ, А БЕРЕМЕННУЮ ОЛЮ НЕ УВОЛИЛИ

Самыми важными результатами публикации (кроме душа) я считаю:

1. Вычищенную впервые за десятилетия комнату бабы Вали. Рабочие вилами повыбрасывали в окно червивые матрасы, горы гнилых тряпок и сожгли их. Комнату обработали дезинфицирующим раствором, бабу Валю сгоняли в душ и привели в божеский вид. Конечно, идеально было бы, чтобы откликнулись бросившие ее дети. Но это, увы, утопия.

2. НЕ уволенную с работы беременную Ольгу — молодую женщину, которую мужик обманул и бросил на шестом месяце без помощи. В принципе по закону ее и не имели права увольнять. Но много кого вроде не имели права и все же вышвырнули в связи с «ликвидацией предприятия». Вот и Ольге все твердили, что ее «песенка спета». А потом стало известно о готовящейся заметке. Выяснилось, что среди прочего журналистка особенно возмущалась Ольгиной ситуацией. И ей вдруг объявили, что оставляют на работе.

Очень многие читатели переживали за Олю, интересовались ее судьбой. Так вот, несмотря на хорошую новость, жить ей по-прежнему приходилось на больничном на тысячу рублей в месяц. Выдавать декретные не торопились. Тем временем денег катастрофически не хватало, накопились долги. Да еще подступал срок родов и врачи грозили, что они могут быть преждевременными. У Оли не было даже минимального набора для того, чтобы забрать ребенка из роддома, если что. Девчонки нарезали и принесли ей стопку пеленок из фабричной ткани. С помощью друзей мы собрали для Оли и ее малыша гору приданного, включая коляску и деньги. Этого хватит на первые полгода минимум. Когда вечером мы приехали в общагу, одна из кумушек, которая была уверена, что Ольга не дождетса помощи, ушла в комнату со словами: «Наверное, я чего-то не понимаю в жизни». Оля всю ночь перебирала детские вещички и счастливо плакала. В ее комнате собралась почти вся моя старая компания молодежи. Мальчишки собрали коляску, и все искренне радовались за Ольгу.

Но на следующее утро нашлись люди, у которых повернулся язык доканывать беременную тетку бессмысленными и завистливыми обвинениями: «Что, продалась за шмотки?» Больше всего

меня умилило предъявленное ей обвинение, что она «сливает журналистам информацию!» Ну просто филиал ЦРУ, а не ткацкая общага!

Вскоре Оля получила декретные, собрала вещи и предпочла потратить часть денег (благо, теперь они были) на оплату машины, но уехала в родное село, подальше от ядовитой атмосферы Казарм.

ЗАЧЕМ «ВЫНОСИТЬ СОР ИЗ ИЗБЫ»

Когда я в тот вечер заезжала в общагу, меня очень радушно встретили большинство моих старых знакомых. Показали новый душ, рассказали, как всегда, кошмарные для неподготовленного уха новости: тетки «сороковушки» затравили 19-летнюю девчонку за то, что она с егорьевскими мальчишками романы крутит (не шляется, просто «крутит хвостом») — хором крыли ее последними словами, пока не уехала домой; молодой мужчина безнаказанно избил девушку (не свою) просто «за язык» — ему не понравились ее шутки, и никто не вступился, не наказал его. Увы, нравы, впитанные с воздухом «казарм», — не поломанный душ, их в три дня не почишь.

Я пару раз повстречалась в коридоре с наиболее возмущенными дамами один на один. Но они только сквозь зубы цедили сдержанное «здрасьте». Здесь не принято высказывать претензии открыто. Когда на кого-то злятся, либо шипят за спиной, либо рвут на части стаей.

Открыто поспорить решила только комендант общаги:

— ...Ну ты молодец, что написала о недостатках, но зачем писать ВСЕ? А если бы я матом ругалась, ты бы тоже это опубликовала? — недоумевала она.

— Да, если бы это было важно.

— Ну... не знаю, — потеряла дар речи Вера Борисовна.

Итак, единственная конкретная претензия, которую мне предъявили: «Зачем было выносить сор из избы?» Отвечаю: чтобы в «избе», то есть в общаге, чище стало. И вы знаете, кажется, получилось.

P.S.

А еще очень хочется верить, что на фабрике тоже многое изменилось. Что кусающиеся станки налажены, что егорьевские ткачи ткут уже не гнилье, а исключительно высококачественную ритеховскую пряжу, которая не уходит в Иваново. А там, глядишь, и сновальную машину новую купят. Вот только поговорить обо всем этом с дирекцией нам так и не удалось. Наш корреспондент целый день просидел на лавочке перед административным корпусом в

ожидании «внезапно куда-то запропастившегося начальства», но так и не дождался. «Его нет и неизвестно когда будет» — неизменно отвечала телефонная трубка. Господа, неужели для того, чтобы узнать, изменилось ли что-нибудь на производстве, кому-то из нас опять придется инкогнито устраиваться в ткачи? Или сами все расскажете?

В результате этого материала:

1. На фабрике сменили руководство и действительно частично сменили технику. Пряжа перестала уходить налево (это известно достоверно, через «засланных казачков»).
2. В общежитии был проведен ремонт.
3. Та самая баба Валя была определена в дом престарелых.
4. Беременную Ольгу (и еще нескольких женщин) восстановили на работе, а еще ее снабдили полным набором вещей для ребенка (включая коляски-кроватки) до трех лет включительно.
5. В правительстве было проведено совещание на тему вброса дополнительных средств в легкую промышленность России.